

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ISSN 2225-0271

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 4 (115) 2017
июль — август

**Тема номера:
ВОЗМОЖНО ЛИ ЧЕЛОВЕКУ
БЫТЬ НЕЗАВИСИМЫМ?**

- Вера, которая не стареет
- Моя желанная пристань —
Коренная пустынь
- Писатель и поэт — и всё
по совместительству

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЗМОЖНО ЛИ ЧЕЛОВЕКУ БЫТЬ НЕЗАВИСИМЫМ?

Протоиерей Алексей Шурупов – Павел Демидов
Только вернувшись к Богу,
можно оставаться независимым 4

Алексей Варламов – Павел Демидов
Без Лощмана пускаться в свободное
плавание опасно 8

Лариса Беляева
Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста 10

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Архивариус
Храм святителя Николая в Плотниках
и его настоятель протоиерей Иосиф Фудель 12

Анна Андреева
История – это наука о будущем,
или Нераскаянный грех раскола 14

ИЗ ДНЕВНИКА СЕЛЬСКОЙ МАТУШКИ

Марина Захарчук
Признание в любви 18
Старчик 22

СТРАНА СЛОВ

Дмитрий Шеваров
И еще о чем-то важном 24

*Протоиерей Ярослав Шипов –
Дмитрий Шеваров*
«Но в одном я укрепился –
художник обязан служить Богу» 24

Николай Беседин
То, что подстрочно, чувствуется всегда 27
Стихи разных лет 29

Зинаида Миркина
Стихотворения 31

Анна Ильинская
Несущая свет 31

МИР ВОКРУГ НАС

Вадим Рутковский
Крымский десант Владимира Высоцкого 32

СТРАНА КРАСОК

Иван Глазунов – Юлия Камагина
Краски жизни 35

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине lampada-press.ru

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (**подписка,
распространение, реклама**)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: Храм первоверховных
апостолов Петра и Павла в Тарусе.
Фото Вадима Рутковского

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75
www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 10.07.2017
Цена свободная

**Этот номер вышел заботами рабов
Божиих Алексея и Александра.
Храни их Господь**

Приход храма иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине, г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200, Московская обл.,
г. Можайск, ул. Мира, 93

Контактный телефон:
+7 (495) 745-84-28
+ 7(49638) 2-06-85

Тираж 1000 экз. Заказ № 65
© Лампада, 2017

Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир.

Ин. 1:9

...ЭТОТ СЫН МОЙ БЫЛ МЕРТВ И ОЖИЛ, ПРОПАДАЛ И НАШЕЛСЯ.

Лк. 15:24

Только вернувшись к Богу, возможно оставаться независимым

Настоятель храма Спаса Нерукотворного в Котове (г. Долгопрудный) протоиерей Алексей Шурупов в беседе с главным редактором журнала Павлом Демидовым выразил свое отношение к теме номера, поделился другими мыслями, рассказал о себе.

верженцы той или иной идеи. Может ли это сочетаться?

— Мы все живем в страстях. Мы все живем в грехах. Как сказал один известный святой, разница между погибающим и спасающимся состоит в решимости. Один при всех своих падениях и страстях, при всей своей немощи стремится к Богу, а другой отвернулся и в чем-то другом пытается найти Ему замену, какой-то суррогат.

— Здесь, мне кажется, заключен принципиальный момент. Допустим, кто-то отвернулся от Бога, о причинах в данном случае не говорим. Почему он начинает искать Ему замену? Не потому ли, что не может существовать без связи если не с Кем-то, то с чем-то?

— Именно так. Но здесь, как мне кажется, нас подстерегает очень хитрая ловушка. Увлечения человека далеко не всегда порочны, не все, к счастью, алкоголики или наркоманы. Есть страсти весьма, на первый взгляд, благопристойные. Разве приютить или выходить бездомную кошку или собаку — плохо? Жизнь многомерна. В мире невозможно определить для себя «узкую специализацию», то есть жить только чем-то одним. Даже если это Сам Господь Бог. Не стоит перечислять, что на плечах каждого из нас. Да и не перечислить. Все зависит от степени приверженности, от желания и умения найти для себя царский путь.

— Кесарю — кесарево, Божие — Богу?

— Образно говоря, да. Как сказано в Евангелии у Матфея? «...Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (6:21). В моем представлении, самое большое сокровище — это любовь. Так вот: где будет любовь ваша, там будет и сердце ваше. Если ваша любовь — с Богом, ни рюмка, ни шприц вам не страшны.

— Мы говорим сейчас о верующих?

— А кто читает «Лампаду»? Атеисты?

— Представьте, есть и такие читатели. Для них, мне кажется, этот разговор не менее важен.

— А верующие, по-вашему, в полном православном шоколаде и им ничего не грозит? Поверьте моему пастырскому опыту: для каждого из нас у лукавого заготовлена своя арбузная корка. Нет абсолютно чистых людей, абсолютно святых. Все мы под дамокловым мечом страстей. Другой вопрос, что все мы, которые верующие, помним о Боге и стремимся к Нему. Все мы хотим очищаться, освобождаться от страстей. Ну а кто сдался, сложил крылышки, плывет по течению, того — понятно, куда в итоге принесет.

— Если человек осознает, что должен вернуться к Богу и делает какие-то шаги в этом направлении, что происходит с его страстями? Будут ли они ослабевать или, напротив, как бы ожесточаться? Хватит ли у человека сил для борьбы?

— Очень многомерный и сложный вопрос. Собственные усилия без помощи Божией — ничто, ноль. А с Ним и наши немощи нам в помощь. Ведь как сказано? Сила Божия в немощи совершается. Пусть не покажется странным, но наши грехи тоже могут быть нам в помощь, если подходить к ним с размышлением. Наши грехи — это ведь зеркало нашей немощи. Чем глубже заглядываешь в себя, чем больше видишь в себе грехов, тем получаешь более точную и полную картину о своих слабостях, тем отчетливее представляешь свои силы и возможности. Это не обязательно должны быть грехи «высшей категории». Как раз обычные, повседневные, вот, к примеру, — «пересидел у компьютера». Но из них-то и ткется суровое полотно нашей жизни. Тот, кто видит такое свое состояние, он как-то поближе к Богу. Известная история, как к одному старцу пришли братья и спросили: вот у нас есть два брата — один живет очень справно и ни в чем не кается, а другой без конца впадает в грехи и все время их оплакивает. Кто из них ближе к Богу? Старец им говорит, что ближе тот, кто хоть и падает, но видит это и кается.

— Тема номера родилась из размышлений о том, что человек не может быть независимым. Он задуман и создан Творцом как зависимое от Него существо. Эта зависимость существует объективно, всегда; неважно, верит человек в Бога или нет, где и как он живет.

— Почему у вас появилась эта мысль?

— Я много думал о природе наших грехов: почему они возникают? Ведь это происходит именно тогда, когда человек отходит от Бога. Значит, порывается какая-то благотворная связь человека с Богом. Но, сам того не понимая, он начинает искать замену той онтологической зависимости, с которой добровольно расстался, реализуя данную ему свободу воли. Вот я и пришел к вам — чтобы вы согласились или опровергли меня.

— Пожалуй, соглашусь.

— Тогда буквально еще несколько слов, и я не стану испытывать ваше терпение. Такой человек уподобляется ребенку, который бросил мамину грудь, а потом сам же начинает ее искать, потому что без нее ему невозможно. Ему можно сунуть соску, жвачку — любую замену, и он вроде бы обретает искомое. Один хватается рюмку, другой — шприц, кто-то окружает себя кошками и собаками... Но ведь и среди верующих людей тоже есть при-

– Почти притча о мытаре и фарисее.

– Вот-вот. Как ни парадоксально, но через немощи и прегрешения можно к Богу приближаться.

– Это, по сути, и есть восстановление связи с Богом, не так?

– Конечно, так. Постепенно, по чуть-чуть сокрушается гордыня человеческая.

– У вас, конечно же, есть представление о современной пастве. Она приближается к Богу, или стоит на месте, или уходит в обрядоверие?

– Правильнее было бы говорить о каждом конкретном человеке.

– Меня интересует: в целом. Общее ощущение.

– Мое личное ощущение, если сравнить его с девяностыми годами, когда стали открываться храмы, когда мы массово приходили к вере, когда прекратились гонения на веру и за веру, когда сам воздух, кажется, был напоен благодатью, когда было время надежд... Так вот, если сравнить ту далекую пору с сегодняшней, то сравнение, боюсь, не в пользу современности. И храмы отстроили, и Церковь стала в административном смысле очень мощной структурой, но прибавилось ли духовности, прибавилось ли живой веры в народе?.. Возможно, и даже наверняка, происходят какие-то глубинные движения, живут ручейки под всеми этими пластами человеческого греха... Но мое субъективное ощущение, что в годы безбожия – а я это время очень хорошо помню, потому что большая часть моей жизни прошла все-таки в Советском Союзе – люди были и отзывчивее, и сердечнее, и добрее, и порядочнее, и честнее. А сейчас ситуация другая. Пример, который так и стоит у меня перед глазами. Кто-то недалеко от храма поставил машину. Парень какой-то вытащил из нее магнитола, но сбежать не успел. Водитель и пассажир забили несчастного парня за магнитола чуть не насмерть. Я лично вызывал скорую помощь, парня в бессознательном состоянии увезли. Я пытался их усовестить: «Что же вы так, господи? Тут храм Божий...». Они: «Храм Божий – это святое! – и перекрестились. – А вот эту сволочь надо уничтожать. Они недостойны порог храма переступать». Случай крайний, но боюсь, найдется достаточно много людей, готовых и свечку поставить о своем здоровье, об успехе в бизнесе, и пригласить

батюшку квартиру освятить, чтобы не обокрали, и машинку покропить святой водой – чтобы от ДТП уберечь... Но когда кто-то вдруг наступит на их интерес, всё полезет наружу! Они вырвут свое у ближнего с корнем и с мясом. Сегодня, мне кажется, эта формула жизни довольно распространена. Конечно, приходит в храм самая разная публика. И на исповедь – тоже. Кто-то действительно с покаянием, а кто-то – просто поговорить о себе, о своей жизни. Какого-то мощного духовного движения не замечаю.

– Картина не очень радостная, но, увы, знакомая.

– А внешне выглядит все замечательно, прекрасно, мы цветом, священники ходят и в больницу, и в школу, и в воинскую часть, и даже в женскую консультацию. Но я назвал бы это пионерскими делами, тимуровской работой. Она, возможно, имеет отношение к духовной жизни, но какое именно – мне вынести здесь свое суждение трудно.

– Вы, отец Алексей, упомянули советское время, оно и ваше, и мое, мое даже в большей степени. Я полностью разделяю ваши оценки и характеристики. Но что же это была за парадоксальная ситуация: государство – безбожное, демонстративно атеистическое, и в то же время отношения в обществе, отношения людей друг к другу, сами люди...

– Я понял вопрос. Если говорить о вере, то к ней приходили люди, преодолевали трудности, чинимые этим самым государством. Рискуя карьерой, успехом, поступаясь какими-то благами земными. И это были в основном люди искренние.

– Но я имею в виду не только тех, кто приходил к вере, их все же было очень мало. Я имею в виду «простых» советских людей. Выходит, они были ближе ко Христу, чем их нынешние наследники?

– Сопоставление интересное, но особой загадки, пожалуй, здесь нет. На мой взгляд, те, кого вы назвали простыми советскими людьми, очень много страдали. Первая мировая война, революция, Гражданская война, 1937 год – не как короткий отрезок времени, а как целая историческая эпоха, Великая Отечественная... Но многие из них, если не большинство, еще застали Церковь не как овощехранилище, а как храм Божий, где они были крещены, кто-то посещал церковноприходские школы, они

были все же воспитаны в христианской традиции, еще были живы их верующие в Бога родители, и даже когда многие вынужденно или по недомыслию отреклись от веры, это все же был акт внешний, а не внутренний, не духовный. И вот эта благодатная инерция, мне кажется, начинает сегодня иссякать, несмотря на все внешнее атрибутивное благополучие. Возникшая на волне 1980-х мода на веру, если так можно сказать, сходит на нет. А что приходит на смену?.. Да и что может прийти на смену тому единственному, что на потребу?

– Так ли уж уменьшилось число прихожан?

– Статистикой не располагаю. Но я бы сказал, изменился качественный состав. Для многих посещение церкви стало формой удовлетворения их религиозных потребностей, вернее – того, что им кажется религиозными потребностями. Своего рода «эконом-класс»: приду, поставлю свечку, можно и исповедаться, скажу батюшке про грехи, можно и причаститься. А внутренней, глубокой работы у человека нет.

– То есть тогда это было не благодаря советской власти, а вопреки ей.

– Абсолютно так. Хотя я бы так уж не отметал и «благодаря». Было много гонений, много опасностей для верующего, а это, если хотите, испытание на стойкость в вере.

– Советская власть, можно сказать, рихтовала православный народ.

– А разве не так?

– Получается, они – как описано в Деяниях про апостолов – шли и радовались, что пострадали за Христа.

– Получается именно так. Нет, я ни в малейшей степени не поклонник советских времен, и печалит, что сейчас есть тенденция их реабилитировать...

– Это ощущается.

– Но путь этот абсолютно тупиковый. Страшный путь. Он может привести только к повторению самых черных страниц нашей истории.

– Вы выслушиваете огромное количество исповедей. Можно ли вынести из этого очень общее впечатление о духовном состоянии людей? О динамике этого состояния? Куда направлен его вектор?

– Мне трудно судить об этом. Ощущения всегда субъективны, а впечатления могут быть обманчивы. Видится одно, а на самом деле все совсем иначе. Я уже говорил: большинство не хочет

глубоко копать, я имею в виду – погрузиться в себя. Большинство относится формально. Многие подходят к исповеди так: я же не хочу ни болеть, ни потерпеть урона в делах, не хочу, чтобы детям доставалось, – значит, веду церковную жизнь, но по минимуму, чтобы только Боженьку не рассердить. Так думают, к сожалению, многие. Со мной когда-то был замечательный случай. Он стал для меня личным вразумлением.

– **Что же за случай?**

– Двадцать лет назад умер такой замечательный священник, может, вы слышали, отец Геннадий Огрызков, из храма Воскресения Словущего...

– **Конечно, слышал. Познакомиться не случилось.**

– Не дожил даже до пятидесяти лет... Смирный, добрый батюшка. Для меня он был одним из самых дорогих иереев, с кем мне довелось общаться. Главное качество его было – смирение, а это встречается чрезвычайно редко. И вот как-то вечером, вскоре после его кончины, я вышел из храма. Иду и вижу: по тропиночке вдоль забора бредет какая-то бомжиха и что-то себе под нос бормочет. Человек неопрятный, опустившийся, это видно даже в сумерках. И я подумал: «Надо же, Господь забирает таких людей, как отец Геннадий, а этих вот держит. Это же конченный человек... Какая же тут справедливость? Что-то в этом неправильно». Вот такое чисто человеческое движение было у меня. И вдруг эта бомжиха садится на сугроб, поднимает глаза и видит перед собой храм. И, как мне показалось, с каким-то прояснением в лице произносит: «Господи! Прости меня за все!». Мне это было та-а-ким вразумлением... Я к тому, что по внешнему впечатлению нельзя судить о людях. Думаю, что задача священника не разбирать, кто каков есть, а по возможности и по силам оказать помощь. Это не значит, что нужно кучу советов надавать...

– **Мой духовник учил, что вообще не следует давать советы, когда тебя об этом не просят. Это проявление гордыни: то есть ты уверен, что наверняка знаешь, как лучше. Я с ним согласен. Правда, не всегда удается следовать этому.**

– Верное научение.

– **А сегодняшний мир прямо-таки толкает под локоть: дай совет, дай совет; видишь, сколько вокруг нескладухи. А мир в самом деле очень агрессивен. Верно ли в таком случае**

подходить к простому мирскому человеку с абсолютными каноническими требованиями, когда он находится в таком агрессивном окружении? Как тут быть? Вам как священнику приходится сталкиваться с такой проблемой?

– Эта проблема существует всегда. Она была и в советские времена, она есть и сейчас. Сегодняшнему грешнику снисхождение необходимо. Когда народ был покрепче, можно было бы и епитимью достаточно суровую наложить, а сейчас человек это не понесет. Сейчас чуть поднажми – и он совсем может кончиться. Есть, конечно, смертные грехи, о них что говорить? – нельзя, и всё! Очень важно, как сам человек относится к своему греху: хочет он его изжить, стремится ли? Если этого в нем нет, то такого человека, конечно, нельзя причащать. Бывает, что такие люди обижают: меня, мол, в другом храме причастили – и ничего.

– **Насчет «чего» или «ничего» известно будет все же не здесь, так?**

– Так, конечно, так. Но главные каноны все же не надо нарушать. Не берусь судить о «другом храме» – в нашем заведено так, как я вам рассказал. Главная-то цель все же какая? Привести человека к Богу.

– **Близкий мне случай. Один священник вынужден был отойти от своего духовника. Тот жестко стоял на том, что невенчаных нельзя причащать. А священник служил в храме, где этого правила так строго не придерживались. И ему надо было выбирать. И он сделал вот такой выбор: остался в своем храме, но отошел от духовника. Не берусь судить, кто из них прав, но представляю ситуацию: подходит человек к Чаше – и священник должен его начать спрашивать, женат ли он, а если женат, то венчан ли... Мне кажется, у Чаши не место заниматься выяснением подробностей биографии причастника.**

– Какие-то вещи надо на милость Божию отпускать. Что значит: венчан, не венчан? Первохристиане вообще не знали, что такое венчаться. Но давайте все же посмотрим на эту проблему из сегодняшнего дня. Я думаю, многие вопросы отпадут сами собой. Лично я на стороне того священника, о котором вы рассказывали. Я тоже не сторонник такого подхода: не венчан? – отойди от Чаши. Мне кажется, такая приверженность букве закона применительно к сегодняшне-

му человеку чрезмерна. Замечу, что эта точка зрения опирается на позицию священноначалия.

– **Я знаю. Я специально выписал из Основ социальной концепции место, касающееся этого острого вопроса. Вот оно: «Некоторые пастыри-духовники не допускают к причащению лиц, живущих в “невенчанном” браке, отождествляя таковой брак с блудом». В принятом Синодом определении указано: «Настаивая на необходимости церковного брака, напомнить пастырям о том, что Православная Церковь с уважением относится к гражданскому браку».**

– Очень уместно, потому что нашлось бы немало желающих пригвоздить нас за «вольномудство». Я понимаю: они – очень церковные, очень сознательные и всё такое... Но кому-то, вероятно, еще нужно дозреть до понимания сегодняшних реалий. Например, митрополит Антоний Сурожский, к которому я отношусь с большим уважением, некоторые семейные пары венчал не сразу. Супруги жили примерной жизнью по несколько лет, и когда он видел, что они дошли, дозрели до таинства, – только тогда. И, как говорят, эти браки были очень крепкие, по-настоящему христианские. Вопрос не из простых. Если люди в загсе расписались, взяли на себя ответственность друг за друга перед обществом, перед близкими, живут в мире и согласии – я не вижу оснований отказывать им в Причастии. Венчание – это высшая ступень в браке, идеал, но к идеалу даже лучше идти постепенно. А через ступеньки прыгать – иногда, мне кажется, даже и не полезно.

– **Но вера вообще-то вещь строгая.**

– Конечно, не игра в крестики и нолики. Строгость *по любви* – это всегда хорошо. Но, мне кажется, всем навязывать одинаково строгие правила – неправильно. До такого состояния человеку нужно дозреть – чтобы ему эта строгость была в пользу. У нас, например, есть и строгий батюшка, он для одной категории прихожан, и я вижу, что это хорошо. К нему идут те, кто не боится, что на него и епитимью наложат, и поклончики «пропишут». Я к таким прихожанам отношусь ну просто со всем открытым сердцем, со всей душой. И с этим батюшкой я не во всем согласен, но мы с ним договорились, что, если будут какие-то сложные коллизии, пусть отсы-

лает ко мне, а уж я возьму на свою совесть. Причащать – не причащать? – такое редко у нас бывает. А есть батюшка, наоборот, очень добрый, а есть, который «по срединочке».

– **Наверное, по тому, к какому батюшке кто выстраивается, можно судить и о прихожанах?**

– Не думаю. Многие подходят случайно к тому или к другому, а делать выводы на этом основании нельзя. Я вообще не сторонник того, чтобы людей привязывать: ты только ко мне, и больше ни к кому. Но какие-то микрогруппы все же образуются. Ты уже человека хорошо знаешь, и не первый год, – и ему проще, и мне понятней. Складываются определенные отношения, но хорошо, когда это происходит естественно, а не силком. Когда люди знают, чего можно ждать друг от друга, возникает более здоровая, более естественная ситуация. Должен сказать, что священников, которые могут быть по-настоящему духовниками, вообще чрезвычайно мало. Как известно, в старые добрые времена даже не все священники имели право исповедовать. Были так называемые покаянные попы – люди духовно зрелые, опытные, которые и исповедовали паству. Служить, требы исполнять – это мог каждый, а вот исповедовать... Сейчас практика другая.

– **А как лично у вас складывалась жизнь до и после Священства? Вы сами-то когда пришли к вере?**

– Я к вере пришел, когда был советским студентом. Пришел, можно сказать, от противного, от того, что просто задыхался от той жизни, которая у меня была. А к тому времени у меня мама уже окрестилась. У нее была подруга, впоследствии ставшая монахиней, я за нее теперь молюсь. Вот они с батюшкой договорились и меня, советского студента, окрестили. Воцерковлялся я тяжело и достаточно долго. Я чрезвычайно благодарен батюшке, к которому в те времена обращался. Он был человек жесткий, но тогда действительно нужна была твердая рука. Я за него совершенно искренне молюсь, очень благодарен ему за многое. В моем случае, как, верно, и вообще в большинстве случаев, популизм, добрячество гораздо большее зло, чем излишняя строгость.

– **Мы с женой это на себе тоже испытали. Мы попали сразу в руки к очень твердому наставнику, он сам иеромонах, и вот это его внутреннее состояние невольно ощущали и мы.**

Для нас это было очень важно – получить правильную и твердую установку на первых этапах воцерковления.

– Вот видите – еще одно подтверждение тому, что я говорю. Кого-то надо по голове погладить, кого-то приласкать, кому-то максимальное снисхождение, а кого-то... Как в медицине: одному – таблетку, а другому – скальпель.

– **А как пришли к священству? Как вообще возникла эта идея?**

– У меня родители филологи. Отец преподавал в вузе англо-американскую литературу, теорию перевода и считал, что у меня к этому тоже способности, я даже в свое время сделал несколько переводов, он считал, что это вполне мое дело, да и я как-то не был против. Но в какой-то момент почувствовал горячее желание стать священником. Что в конце концов и случилось.

– **Представляю, насколько неожиданным это было для ваших родителей.**

– Да уж. Но при всей внешней неожиданности человек ведь внутренне должен быть расположен к такому выбору. Просто до времени он это не осознает... Поверьте, я ни о чем не думал в материальных категориях: стану, мол, священником – будет почет и уважение и прочее, нет, это было наивное, сердечное, я бы сказал, юношеское горение.

– **И даже не миссионерский призыв подвигнул вас на эту стезю?**

– А уж это тем более – нет. Совсем не миссионерский. Я и по натуре своей не миссионер, нет у меня такого дара. Для меня порыв к священству был равнозначен желанию жить, дышать, ощущать смысл своего бытия. Не стану скрывать: иногда меня посещали вопросы типа: что я наделал, зачем?... И одна знакомая монахиня, когда я вот так расслабился, мне сказала: «Батюшка, вспомни, что говорит Господь: не вы Меня избрали, а Я вас избрал. Так что нечего тебе хандрить, чтобы не получилось, что ты противишься воле Божией». Очень она меня вразумила, эта матушка, спасибо ей.

– **Любая дорога начинается с первого шага. Ваша, конечно, тоже.**

– Меня рукоположили в 1990 году. Тогда только-только начали открываться храмы, священников остро не хватало. Один батюшка знакомый все мне говорил: «Алексей, священников нет, поехали к владыке – нужны люди, которые смогут служить, давай подадим прошение...». А я все туда-сюда: простите, нет, мол, благословения. А когда я женился и

мы после свадьбы поехали к духовнику, он спросил: «Тебя еще зовут сан-то принимать?». Я отвечаю, что вот несколько времени назад звали. «Если предложат, ты и не отказывайся». Мы с женой возвращаемся из лавры домой, открываем дверь, и я слышу за дверью телефонный звонок. Вхожу, поднимаю трубку, и тот батюшка говорит мне: «Алексей! Ну когда мы с тобой поедem к владыке?». Я ему говорю: «Да хоть сейчас!». Дня через два поехали к владыке, а там все закрутилось очень быстро.

– **Диакonom пару дней хоть удалось побыть?**

– Вроде того. Дня три, четыре... А там – священник, сорокоуст – и вперед!

– **Куда?**

– Сюда. Здесь типография располагалась. Мало кто знал, что тут раньше был храм, настолько все было изувечено. Первая служба наша состоялась в день праздника Владимирской иконы Божией Матери. А уж потом мы узнали, что именно там когда-то был придел в ее честь. Такие моменты очень воодушевляют. Видишь, что Господь не оставляет тебя.

– **Ваша история с точностью повторяет историю нашего, ховринского, храма. В те же годы, та же война за каждый метр, один батюшка с самого начала...**

– Это, по сути, история нашей Церкви в постсоветское время.

– **Ктиторов у вас здесь, наверное, не очень много.**

– Практически их нет. Я вообще к этому не стремлюсь. Да, есть люди, которые готовы вкладывать серьезные деньги, но с ними за это надо «дружить» – банька, рыбалка, поздравления с праздником... Это не на мой характер. У меня есть просто друзья. Они в меру сил помогают, но это совсем другие отношения. Они не сковывают свободу. Я с ними дружу не ради чего-то, а просто дружу. Это личные, многолетние отношения. Я считаю так: есть храм, есть крыша над головой, внутри все достаточно благоустроено, молитва идет – Господь с нами. Что еще надо? Не мешали бы... Живем самостоятельно. Зависим только от Господа. И это большое благо.

– **Я бы сказал: самое большое.**

– Аминь!

– **Благодарю вас, батюшка!**

– Во славу Божию.

Фото Дмитрия Шеварова

Без Лоцмана пускаться в свободное плавание опасно

Известный писатель, ректор Литературного института им. Горького Алексей Варламов и редактор «Лампады» Павел Демидов обсуждают, возможно ли человеку быть абсолютно независимым.

– Общеизвестно: человек наделен свободой воли, у него есть свобода выбора. Но значит ли, что он, следовательно, полностью независим? Нет. Он создан зависимым от Бога, и вне этой зависимости он не может гармонично развиваться и существовать. Вы согласны с этим?

– Согласен, но с той поправкой, что вера и даже воцерковленность не гарантируют автоматически ни гармонического существования, ни развития. И вообще гармония – понятие, скорее свойственное античному миру, нежели христианскому. Церковь, как я понимаю, гармонии никому не обещает ни вокруг человека, ни внутри его, скорее уж – духовную брань. Как сказано в Евангелии, Царство Божие силою берется. Не исключено, что человеку для того свобода и дана, чтобы он мог эту силу в себе ощутить и использовать по назначению.

– Не вступают ли в таком случае в противоречие свобода воли, дарованная человеку Творцом, и его зависимость от этого же Творца?

– Для меня это очень сложная и несколько абстрактная конструкция – вступает или не вступает, но каждый день мы сталкиваемся с огромным количеством более мелких, но не менее значимых противоречий, вопросов, обстоятельств, которые надо решать, преодолевать, и эти вещи гораздо больше

нас занимают. Поговорка, которая начинается со слов «До Бога высоко...» не лишена, по крайней мере, практического смысла. То есть я не уверен, что рассуждения на метафизические темы, если только вы не философ по натуре, человеку так уж необходимы в его повседневности.

– Надо полагать, свобода воли, или свобода выбора, заключается только в одном – человек волен свободно выбирать, с Богом он или нет. Но что бы он ни выбрал, его неспособность быть независимым всегда остается при нем, но может ли человек игнорировать этот факт?

– Да, конечно, может. Человек может все. По крайней мере, он может думать о своей способности быть абсолютно независимым от Творца. Насколько эта «свобода» и «независимость» иллюзорны – второй вопрос, но есть масса людей, которые с этой иллюзией всю жизнь живут, и я не спешил бы их за это осуждать. И потом, каждый приходит (или не приходит) к таким серьезным выводам о свободе воли и свободе выбора в свой черед и на основе своего уникального личного опыта. И не исключено, что здесь последние тоже могут стать первыми.

– Если человек с Богом и зависим от Него – это значит, он выполняет Его заповеди, живет по Его законам, и тогда он во всем остальном абсо-

лютно свободен. Наверное, это главное, в чем расходятся верующие и атеисты – в христианском и мирском (безбожном) толковании понятия «абсолютная свобода». Но можно ли без Бога быть свободным? Куда это может привести?

– Опять же, есть наши субъективные ощущения и есть реальное положение дел, но разграничить одно и другое зачастую нелегко. В глазах не только атеистов, но и многих религиозных людей монах, живущий по строгому монастырскому уставу и находящийся в полном подчинении у своего духовного наставника, вряд ли так уж свободен. Объяснить человеку, который живет, «в закон себе вменяя страстей единый произвол», что он на самом деле глубоко несвободен и собственными страстями поработен, нелегко, особенно если учесть, что цитируемые строки принадлежат Пушкину и написаны им с глубоким пониманием предмета и обычаев мятежной человеческой юности. У поэта, как и у любого человека, есть свой личный путь. Мало кому удастся быть совершенным на всем его протяжении и пройти его исключительно прямо и не отступаясь. Есть взлеты и есть падения, есть искушения и соблазны, есть отпадения от Бога и есть приближения. Этим драматизмом и разнообразием судеб жизнь человека, по-моему, и интересна, и поучительна.

– Алкоголь, наркомания, патологическая любовь к кошкам-собакам у себя в доме, любое, по сути, безоглядное увлечение, собирательство, будь то монеты, открытки, автомобили и прочее, – это неосознанное стремление человека найти объект своей зависимости, поиск того, чему он мог бы себя подчинить, если он отбросил свою главную зависимость, которая заложена в нем онтологически, верующий он или безбожник. Верно ли утверждать, что только возвращение к Богу может отвернуть человека от того губительного пути, которым он сейчас идет?

– Не знаю, я боюсь широких обобщений и категорических утверждений. Розанов любил коллекционировать монеты, и что? Все равно он был одним из самых религиозных, хотя и очень своеобразных, людей своего времени. Алкоголизм, как и наркомания, могут быть болезнью, которую нелегко победить, и больше того, в этой борьбе можно проиграть, и мы знаем немало печальных примеров, в том числе и среди очень известных людей, но при этом я бы не стал выносить никаких категорических приговоров о чьей-то нравственной гибели или спасении. Вспомните гениальный монолог пьяницы Мармеладова из «Преступления и наказания». *«И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных... И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: "Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!"*. И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: "Свины вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!". И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: "Господи! почто сих приемлещи?". И скажет: "Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...". И прострет к нам руке Свои, и мы припадем... и заплачем... и всё поймем! Тогда всё поймем!.. и все поймут...».

Тут же не только ерничество. Достоевский, сам человек чрезвычайно страстный, азартный, эти материи очень остро чувствовал и изображал нелинейность, неплоскость, противоречивость человеческого существа и

естества. Но, разумеется, спорить с тем, что возможно спасение вне Бога, было бы еще нелепее. Другое дело, что все очень и очень индивидуально, сокровенно и то, что со стороны кажется уходом от Бога, на деле есть приход, и наоборот. Это вечная тема русской литературы от Пушкина и Гоголя до Венедикта Ерофеева (несомненного наследника Мармеладова), и ее художественное, образное решение точнее любых рассуждений.

– Сейчас очень актуальна тема детского суицида. Люди озабочены поисками злодеев, которые поставили целью погубить их любимых сыновей и дочек. Наверное, нужно искать этих злодеев, бороться с преступными сайтами, разоблачать «группы смерти». Но корень-то зла не в них. Они – всего лишь орудие дьявола, который легко ими манипулирует. А почему самоубийство? – это же прямая дорога в ад. А почему дети? – чтобы они не успели стать сынами света. Взрослые не знают причины этой напасти, но смеются, когда им пытаются что-то объяснить. И это тоже результат пагубного стремления человека к искаженно понимаемой им свободе. Вы верите в то, что можно все-таки донести слово правды до сегодняшних глухих и слепых, заблудших людей?

– Для этого надо, наверное, считать самого себя чутким, зрячим, стоящим на верном пути, а кто из нас положит руку на сердце такое о себе скажет? Слово правды, разумеется, донести можно, и не только слово, но и образ, если говорить о живописи, музыке, театре, кино... Но гораздо важнее доносить дела, поступки, неисковерканный характер жизни.

– Борцы за права человека – это, как правило, люди, фанатично преданные этой идее, как правило, атеисты, которые уже не могут жить по-другому. Они все время должны бороться. А по сути – они все время должны быть в подчинении, в данном случае в подчинении идее борьбы, они от нее зависят, как наркоман зависит от дозы. Не кажется ли вам, что именно слепое служение идеям гуманизма, казалось бы весьма возвышенное и прекрасное, есть высшее проявление зависи-

мости человека от служения своим страстям, то есть высшее проявление несвободы?

– Не думаю, что оно «выше» иных человеческих заблуждений и искушений, о которых мы говорили. Тут многое зависит от личной мотивации. Зачем человек начинает заниматься политической, общественной деятельностью, и в том числе правозащитной? Что им движет? Какие цели он преследует? Сама по себе защита прав человека, на мой взгляд, вещь благородная, если ты действительно ощущаешь бескорыстную потребность помогать другим. Дело не только в политике и в протестном движении, а в том, что Солженицын называл, говоря о России 1990-х годов, «личным бесправьем», и оно особенно сильно в нашей провинции и поныне. Чиновничий произвол никуда не делся. Конечно, среди борцов за права человека много жуликов и шулеров, спекулянтов и демагогов, наверняка есть и этот эффект опьянения борьбой, но все же это не значит, что надо перечеркивать правозащитную деятельность. Да и не будем забывать те не такие уж далекие и вовсе не необратимые времена, когда права верующих в нашей стране повсеместно нарушались и нуждались в защите.

– И, наверное, последнее. Все сказанное выше равно касается как верующих, так и безбожников. Просто у верующих – разная степень зависимости от Бога, а у неверующих – полная отвязность. Но плохо и тем, и другим. Есть ли надежда? И в чем она?

– В любви, в милосердии, которое все равно стучится в наши сердца, в нашем языке, в истории, в природе, в чувстве Родины, в душе, которая по натуре христианка. А когда в России было легко? Мы столько переживали трудных периодов, когда казалось – еще один шаг – и пропасть, конец, гибель. Но... «Уезд от нас останется, и оттуда пойдет русская земля», – сказал герой романа, написанного человеком, далеким от Церкви, но тем не менее выразившим это сокровенное русское чувство живучести, неистребимости нашего корня и нашего рода, чувство, которое неизбежно приводит к Богу, потому что иначе – «какой же я после того капитан?».

Скажите, пожалуйста...

 <i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i>	<u>Евгений Белов</u> журналист	<u>Оксана</u> домохозяйка	<u>Вячеслав Рафаэлович</u> пенсионер
			
От кого (или от чего), по-вашему, вы зависите в первую очередь?	В принципе всё в руке Божьей. Если приблизиться к земле, то лично моя зависимость – от меня самого: насколько успешно смогу побороть свою лень, возможно, где-то – свой страх.	В первую очередь зависим сами от себя, но сейчас, если я мама, то в большей степени завишу от мужа. Я имею в виду чисто финансовый план. От детей своих зависим, а как иначе?	К сожалению, мы зависим от нашей власти, которая нам не всем нравится.
Какая зависимость вас больше всего тяготит?	К сожалению, я никак до сих пор не могу отказаться от курения, и мне это неприятно. Я пытался неоднократно много лет, много раз. Всех остальных зависимостей у меня нет.	Я, честно, не знаю, какая зависимость меня больше всего тяготит.	Зависимость больше всего от нашей власти, которая, к сожалению, не учитывает интересы трудящихся, и тем более людей, закончивших свою трудовую деятельность и вышедших на пенсию.
Быть независимым – не означает ли это быть равнодушным и не иметь любви?	Совсем не означает. Это совсем разные вещи. Равнодушие, независимость, любовь – это просто нельзя сравнивать. Это совсем разное.	Я думаю, что быть независимым не означает быть равнодушным или не иметь любви. Можно быть зависимым и любить. И наоборот.	Не означает. Независимый человек должен быть равнодушен к судьбе окружающих и иметь любовь не только к семье, но хотя бы к тем людям, которые живут в одном городе с ним.
Для чего человеку независимость?	На этот вопрос я не могу ответить.	Чтобы не зависеть ни от кого, быть самостоятельным.	Независимость нужна человеку прежде всего, чтобы реализовать лучшие качества, лучшие порывы своей души, и если этого не происходит, то независимость человеку просто не нужна.
Свобода воли, которой Бог наделил человека, и независимость – это одно и то же?	Нет, это разное. Своя воля может быть направлена на что угодно. На построение себя как независимого человека или, наоборот, в укреплении себя в тех зависимостях, которые уже есть.	Для меня свобода воли – это жить. Независимость – это для меня не зависеть от кого-то.	Нет. Свобода воли – это анархия. Человек, если наделен Богом независимостью, то это значит уметь подчиняться общечеловеческим законам, соблюдать какие-то морально-этические нормы.

<i>Ольга медсестра</i>	<i>Николай пенсионер</i>	<i>Лариса Георгиевна пенсионерка</i>	<i>Николай историк</i>
			
От Господа.	Семья в первую очередь, дети, внуки. От Боженьки завишу, как – принимает Он меня или нет. Стараюсь, чтобы принял меня.	Я думаю, от Господа Бога. Всё от Него идет нам. Что мы ни попросим, по нашей вере всё от Бога.	Трудно, даже вряд ли возможно совсем быть независимым. В первую очередь, может быть, завишу от государства.
От материальных благ, наверное, я бы так сказала.	Никакая зависимость из тех, что я перечислил, не тяготит.	Обстоятельства семейные. Стараюсь, чтобы меньше домашних недоразумений было.	Зависимость от государства.
Возможно, скорее всего.	Нет, конечно.	Надо любить всех. Мы же не можем быть одинаковыми, надо воспринимать людей такими, какие они есть, и ничего лишнего от них не требовать. И, помоему, это не связано, зависим человек или нет.	Отчасти можно так сказать, но не обязательно.
Для того, чтобы свои качества проявлять. Я думаю, она не нужна, потому что начинает развиваться тщеславие, гордость, самолюбие.	Не знаю. Независимость может быть у страны, а у человека разве может быть? Для меня не существует независимости.	Чтобы понимать, что жизнь – это счастье. Слава Богу, нет войны, над нами небо голубое. Страшно, когда мои родители прошли войну, воевали. Живем, слава Богу. Вроде бы всё есть.	Если независимости быть не может, то она вообще ни к чему. Независимым труднее быть, чем зависимым.
Нет, человек не может выбрать независимость, потому что идет по воле Господа.	Нет, конечно.	Если – как Бог говорил: трудиться, трудиться, верить в Бога, приходить в храм, читать святыне книги... Если все это делать с радостью, наверное, это и есть независимость.	Нет, раз слова разные, значит, и это разное.

Храм святителя Николая в Плотниках и его настоятель протоиерей Иосиф Фудель

Храм Николая Чудотворца в Плотниках на Арбате стоял на месте нынешнего жилого дома № 45/24. История храма восходит к 1670–1677 годам. Тогда в слободе дворцовых плотников была возведена каменная церковь, впоследствии дополненная двумя приделами в честь святителя Николая и в честь Святой Троицы. Архитектура храма была строгой, без особых украшений. Стройную трехъярусную колокольную венчала вызолоченная глава. Сегодня место, где стоял храм, легко отыскать по стоящему вместо него памятнику Булату Шалвовичу Окуджаве. Когда 8 мая (дата выбрана не случайно – в канун дня рождения, к тому же поэт и бард был фронтовиком) 2002 года этот памятник был открыт, среди арбатских старожилов говорили: «А Булат-то стоит на самом месте входа в Николо-Плотниковскую церковь!». Насколько это точно, утверждать не берусь, но то, что храм был в нескольких метрах от памятника, действительно так.

Осенью 1907 года настоятелем храма Николая Чудотворца в Плотниках был назначен протоиерей Иосиф Фудель. До этого отец Иосиф состоял священником русского Мертвого дома – в церкви при московской Бутырской тюрьме. Свою миссию батюшка выполнял честно. Сохранился документ – письмо каторжника из Бутырок на волю: «К нам в камеры каторжных стал очень часто ходить наш прелестнейший батюшка отец Иосиф, г-н Фудель, и при всяком посещении давал нам читать различные книги духовно-нравственного содержания...». «Это первый батюшка, который обратил внимание на нас, несчастных», – говаривал тюремный народ.

Отец Иосиф организовал внутрикамерные школы грамотности: заключенные из числа образованных обучали чтению своих товарищей по специальной системе, и успехи были столь значительны, что через три месяца после начала занятий сорок человек могли свободно читать и писали письма домой. Все годы служения в Бутырках отец Иосиф получал сотни арестантских писем, рукописей, дневников – живых свидетельств о пересыльных этапах, поселениях, о необъятной русской каторге. Эти совокупные «Записки из Мертвого дома» были горячими доказательствами благодарности: за материальную помощь, которую отец Иосиф раздавал и рассылал безотказно, за то, что воссоединял заключенных с их женами, родителей с детьми, и за другие благие дела.

В период своего служения в тюремном храме отец Иосиф Фудель приобрел колоссальный жизненный и профессиональный опыт. Ему приходилось выступать и в качестве правозащитника, психолога, педагога. С этим бесценным багажом он и пришел на Арбат. Отличительной особенностью Николо-Плотниковской церкви была заметная бедность ее прихожан, населявших арбатские переулки. Именно эти несчастные и слабозащищенные люди стали предметом его первых забот.

В мае 1908 года отец Иосиф начал принципиально новое для приходской жизни Российской империи дело – приступил к изданию своими силами и на свои средства «Приходского вестника» – газеты, с помощью которой пастырь мог общаться со своим приходом. С его страниц настоятель обращался с призывом откликнуться на вопиющую нужду местных бедняков. «Зима приближается быстрыми шагами. Вспомните бедняков! Одежды надо, без башмаков нельзя выйти на улицу. Стужа много страданий приносит с собой. Нетопленные углы, замерзающая в комнатах вода, прикрытые всяким тряпьем дети. А помочь им уж не так трудно. В каждой сравнительно обеспеченной семье всегда бывают остатки одежды и обуви. Куда они деваются? Многие из этого бросаются зря. Пришлите мне на квартиру то, что желаете пожерт-

вовать бедным. Особенно нужны валенки, большие и маленькие».

Откликнулись многие. Удалось открыть приходский склад одежды для бедных. Рождественская елка собирала детей бедняков всего прихода. «Приходский вестник» был еще и своеобразной «биржей труда» – священник передавал просьбы одних прихожан к другим – пристроить к месту мальчика из многодетной семьи, помочь с ремонтом обветшавшего жилища, найти сиделку к заболевшей родственнице, найти знающего и недорогого репетитора по математике отстающему гимназисту, раздобыть дров на отопление холодной избенки в деревню престарелым родителям... «Вестник» не остался в стороне и в 1911–1912 годах, когда разразился ужасный голод в Поволжье. Сбор денег среди прихожан были начаты в декабре 1911-го, а уже 5 февраля 1912 года отца Иосифа уведомили, что на собранные его приходом средства была открыта в одном из голодающих районов Поволжья столовая для 36 школьников. Столовая была названа именем протоиерея Иосифа Фуделя и просуществовала 178 дней.

Еще до прихода в храм Николая Чудотворца в Плотниках отец Иосиф Фудель удостоился лестного отзыва архиепископа Тверского Саввы (Тихомирова). Видный церковный иерарх так отзывался о священнике в своей книге «Хроника моей жизни»: «Священник Фудель – интереснейший человек, внук немца заграничного, женившегося на русской, и сын отца, православного по матери, но плохо говорившего по-русски. Окончил он курс в Московском университете по юридическому факультету, прослужил три-четыре года в Московском окружном суде, женился, съездил в Оптину пустынь два лета кряду и с бла-

гословения почившего старца Амвросия бросил службу, полгода учился церковным наукам в Вильне под руководством почившего архиепископа Алексия и рукоположен им священником в Белосток... Это мастер служения и замечательный проповедник».

Превосходно образованный и высокоинтеллектуальный Иосиф Иванович Фудель притягивал к себе лучшие религиозные умы России конца XIX – начала XX веков. За несколько лет до начала своей карьеры священника он познакомился с одним из самых оригинальных русских мыслителей, «философом реакционной романтики» (по выражению Бердяева), талантливым писателем, блестящим дипломатом, а впоследствии монахом Константином Николаевичем Леонтьевым (1831–1891). Вот как рассказывает о начале его дружбы с Леонтьевым доктор философских наук Ольга Дмитриевна Волкова в своей книге о философе, изданной недавно в серии «ЖЗЛ»: «Благодаря... своему “ученику”, Уманову, Леонтьев познакомился заочно с Иосифом Ивановичем Фуделем – “человеком смелым, твердым и с ясным умом”, как позже он его характеризовал. В 1888 году Уманов послал Леонтьеву книгу Фуделя, завязалось их эпистолярное знакомство. Фудель хотел познакомиться с Леонтьевым и лично, да и побеседовать со старцем Амвросием мечтал. Но, будучи еще студентом, возможности приехать в Оптину не имел. Узнав об этом, Константин Николаевич выслал деньги ему на дорогу, при этом написал: “Принять от меня эти деньги... пожалуйста, не стесняйтесь. Иначе Вы меня огорчите...”».

Фудель действительно в Оптину приехал, и старца Амвросия ему удалось повидать. Эта встреча и личное знакомство с Леонтьевым во многом определили его будущую жизнь. Через несколько месяцев Фудель окончил юридический факультет Московского университета, стал губернским секретарем и женился на Евгении Сергеевне Емельяновой. В 1888 году он повез свою молодую жену представиться Константину Николаевичу.

Фудель и его жена стали близкими для Леонтьева людьми в последние годы его жизни. Сближали Константина Николаевича с Иосифом Ивановичем не только интеллектуальные интересы, но и личная религиозность: оба были связаны духовными узами с отцом Амвросием. По благословению старца Иосиф Фудель (Леонтьев звал его на русский манер Осипом), несмотря на протесты родителей, принял священство в 1889 году. Леонтьев поддержал его в этом решении, даже мечтал о том времени, когда Фудель придет к нему уже священнослужителем, в облачении, и Константин Николаевич сможет у него «ручку поцеловать».

Память – это взгляд, устремленный к истокам

Еще одним замечательным другом отца Иосифа Фуделя был талантливый ученый, религиозный философ, богослов и священник Павел Александрович Флоренский. Дружба с отцом Павлом оказала значительное влияние на сына отца Иосифа Фуделя – Сергея. Его первая встреча с Флоренским состоялась, когда Сереже было одиннадцать или двенадцать лет. Отец взял его с собой, поехал к Флоренскому в Сергиев Посад. Мальчик притомился во время долгой беседы двух священников («о какой-то евгенике, потом о Бердяеве»). Запомнился стол, освещенный керосиновой лампой, за ужином красное вино в стаканчиках, особенный в своем роде «строгий обиход» дома Флоренских... «что-то не от нашей истории». А потом – дорога в гостиницу Троицкой лавры, «снега и тишина той, такой далекой теперь России» да услышанный сквозь дрему на ходу обрывок разговора взрослых о символике цвета на иконах Богоматери. Едва ли смысл ее той ночью был внятен для ребенка. Но семь лет спустя, когда открывали отреставрированную «Троицу» преподобного Андрея Рублева и «тихие краски божественного творения засияли миру огнями Невечернего света, света Божественного триединства», юноша вспомнил этот разговор «как ночное предобручение, как напутствие радости на всю жизнь».

Отец Иосиф Фудель скончался 15 октября 1918 года. С его кончиной была перевернута интереснейшая страница в истории русской духовности. Никольский храм в Плотниках в 1929 году был закрыт, а в 1932 году снесен. Достойным преемником

веры и религиозного творчества протоиерея Иосифа Фуделя стал его сын – Сергей Иосифович Фудель (1900–1977). 2017 год отмечен памятной датой – 3 марта исполнилось 40 лет со дня смерти Сергея Фуделя. Судьба уготовила ему тернистый путь узника советских концлагерей, а Бог щедро одарил талантом богослова, религиозного философа, литературоведа и духовного писателя. Благодаря его литературоведческим трудам мы имеем возможность глубже понять произведения Федора Михайловича Достоевского, а его воспоминания и размышления позволяют прикоснуться к уникальному религиозному опыту самого Сергея Иосифовича. Для многих встреча с его книгами стала поворотным событием в жизни, побудив к следованию за Христом.

Известно: храм – это место, где всегда обитает Бог, где всегда можно встретиться с Ним, поведать Ему сокровенное, повиниться, попросить помощи и совета. Храм – это единственное место, где возможно обожение человека (архимандрит Георгий (Капсанис)).

Но храм – это и место встречи самых разных людей, объединенных любовью к Богу и верой в Него. И эти разные люди приносят с собой в храм свой житейский и религиозный опыт, свои мысли и устремления, свои связи с другими разными людьми, приводят с собой родных и близких, и друзей, и вовсе не знакомых. И все это вместе сплетается, объединяется в единое незримое тело, которое и есть Тело Христово. И так в каждом храме, велик он или мал, богат приходом или малолюден, имеет долгую или скоротечную историю. Ибо, как говорит Спаситель, «...где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20).

К сему: ваш Архивариус

История – это наука о будущем, или Нераскаянный грех раскола *Уральские старообрядцы*

Рождественский храм Русской православной старообрядческой церкви в Екатеринбурге

Считается, что первыми расколо-учителями на Урале были огнепальный протопоп Аввакум и монах Иосиф Истомин, но это не так. Верхотурье они проезжали, отправляемые в ссылку, но за неделю, на которую они там останавливались, обратить особо, конечно же, никого бы не успели. Кто же они, вожди сибирских староверов, самые «лутчие» люди? Называют, как минимум, три личности, от которых берет начало староверие на этой земле.

Старец Авраамий Венгерский. Боярский сын, он принял иноческий постриг в Троицком монастыре (ныне это Ханты-Мансийский округ), неоднократно ездил в Москву бить челом о монастырских нуждах. Так случилось, что очередная его поездка совпала с рубежным для истории Со-

по болотам. Гнус, мошкара, черные гадюки, греющиеся на солнце, потревоженные непрошеными ходаками, разлетаются в разные стороны. Болотные километры нескончаемы! Такие вот паломничества ко святым местам у староверов – совсем не похожие на наши комфортные путешествия – только самые стойкие решаются. Со времен старца Авраамия остались замечательные памятники: источник с абсолютно чистой родниковой водой; грандиозная, огромная сосна с окошками-иконами (на коре дерева делался небольшой надрез, в нее вставлялась икона. Дерево продолжало расти, кора затягивалась и закрывала эту икону по краям, как киот. Получался природный иконостас). Посреди болота лежит плоский моленный камень размером с двухэтажный дом.

XVII век породил 1917 год. А.И. Солженицын в своем великом «Красном колесе» связывает эти два исторических пласта, называя все вместе «трехсотлетним грехом». Чем это обернулось для России – известно. «С позиции и понимания веры, не кара ли это Божия, не причина ли постигших нас бед, не наказание ли за старообрядцев?».

бором 1666 года. Вернулся на Урал уже ревностным старообрядцем. В монастыре задержался ненадолго – пришлось уйти на монастырскую заимку, которая вскоре получила репутацию гнезда раскола во всем Зауралье. Царские власти послали туда своих людей, старцу пришлось уйти еще дальше, в болота. Сейчас это место в сибирской тайге – Авраамиев остров – почитают святым. Шесть часов нужно добираться туда

На верхушке его огромное углубление, для местных староверов это след Богородицы. Там скапливается водичка, и ее потребляют как святую. В 1702 году на этом острове престарелый Авраамий все же был арестован – «связная» старца под пытками показала потаенное место. Его перевезли в Тобольск, но через некоторое время он «неведомо куда исчез» – видно, благочестивые почитатели помогли бежать. Похоронить себя завещал Авраамий на этом острове, рядом со своим ближайшим другом и соратником черным попом Иваном – Иванищем, которого считают вторым лицом в уральском староверии. В монастыре было у него послушание эконома, но как только старец Авраамий ушел отсюда, так и Иванище ушел за ним следом, сначала на заимку, затем в тайгу, на остров. Среди огромного болота решались вопросы, которые на несколько веков определили судьбу сотен тысяч людей.

Третий персонаж считается одной из самых харизматичных личностей той эпохи: это священник Доментиан, служивший в Знаменской церкви Тюмени. Он сошелся с сосланными в Сибирь романовским попом Лазарем и патриаршим иподьяконом Федором Трофимовым. В результате священник Доментиан обратился в очень ревностного старообрядца. Вскоре всех троих отправили в ссылку в Пустозерск. Судьба дьяка Федора и попа Лазаря закончилась трагически – им отрезали языки и сожгли.

Поп Доментиан выказал притворное покорство никоновским реформам, был прощен и освобожден. Через несколько лет его постригли в иноки с именем Даниил в той самой пустыни, где обосновался старец Авраамий. В 1678 году поп Доментиан организо-

вал пустынь на речке Березовка. Туда стали стекаться люди, привлеченные его горячей проповедью. А уже через год состоялась знаменитая Березовская гарь – символ стойкости в вере. В огне сгорело, по разным источникам, от 1000 до 1700 человек. После Березовской гари самосожжения запылали по всему Уралу. За десять лет, с 1679 по 1689 годы, по разным подсчетам, на Урале сгорело от 3000 до 5000 человек – десятая часть всего населения (все население края тогда составляло примерно 50 000 человек). Власти очень сильно обеспокоились. Пытались схватить лидеров. Но не всегда им это удавалось. Некоторым удавалось устроить по несколько самосожжений, а в конце концов и они заканчивали свою жизнь, как правило, в огне.

Люди совершенно искренне верили, что именно так они могут спасти свою душу. Но есть еще фактор, который тоже нельзя игнорировать, хоть он и не из духовных. Это нищенская, бесправная и непроглядная в своем отчаянии жизнь крестьян, а их было большинство. Поэтому самосожжения можно считать еще и протестом людей, которым терять было нечего.

Но были и те, кому терять было что, и они отшатнулись от старой веры, в том числе и священнослужители. Отчасти и поэтому у старообрядцев Урала и Зауралья было мало священников в XVII веке. На территории, которая сопоставима по размеру с Великобританией, у приверженцев старой веры (а их было несколько десятков тысяч) вообще не было ни одного священника.

На Урал начали переселяться старообрядцы поморского согласия. Гаврила Семёнов Украинцев перебрался с Выги, где был одним из руководителей Выговского общежития. На Урале он дослужился до должности приказчика господ Демидовых, был их доверенным лицом. Но это не мешало ему активно пропагандировать старообрядчество. Именно он основал в небольшом городке Невьянске поморское общежитие на 200 человек. Помимо Невьянска возникло еще несколько поморских центров. В 20-е годы XVIII века поморцы занимали господствующее положение в староверии на Урале. А потом случились события, в результате которых ситуация изменилась.

В 1710-е годы церковные власти активизировали поиски старообрядческих скитов в Поволжье (Керженец, Ветлуга). Руководил этим епископ Нижегородский Питирим. Десятки тысяч старообрядцев побежали. Их встретила огромная пустая территория – Урал: на многие десятки и сотни километров можно было не встретить ни одного человека. На территории в 2,5 тысячи квадратных километров (как Люксембург) не существовало ни одного храма, ни одного никонианского священника, ни одного административного начальника. И старообрядцы начали активно заселять эти пустующие территории. Так, в 1732 году в места по реке Висим был послан переписчик. За каждым поворотом речки он находил селения. По его подсчетам, на небольшом отрезке было 360 домов (масштаб поселения можно примерно оценить, приняв, что

в каждом доме жили минимум четыре человека), мукомольные, кожевенные мельницы. Но людей он там почему-то не нашел. Конечно же, они были предупреждены и на время переписи уходили в лес.

В нашей семейной библиотеке есть «Каменный пояс» Федорова. Будучи ребенком, заинтересовавшись странным названием, я спросила бабушку, о чем книга. Так как была еще мала, то особо развернутого ответа не получила, поняла только: что-то связано с железом на Урале, но исчерпывающую бабушкину эмоциональную характеристику главных героев помню до сих пор: «Демидовы были хозяева! У-ух, какие!». Надо сказать, что мои предки – старообрядцы. Чтобы сохранить веру, в XVII веке они были вынуждены бежать в глубину глухих болотистых гуслицких лесов. В дневнике игумена скита «Иосиф на камне» было записано: «Род гусликов древен и славен бысть, повелся он от непокорных бояр и стрельцов. <...> Гуслицы – это единственный край в России, где население поголовно грамотно и не представляет из себя типичной русской глухой провинции». В 70-е годы XVIII века Демидов выкупил треть Гуслиц и переселил на Урал 635 гусликов.

Демидовы, Никита и его сын Акинфий, родоначальники династии, сделавшие для развития горного дела на Урале грандиозно много, оба были тайными старообрядцами. Об этом особо не говорится, но судите сами. Демидовы активно благодарили Выговскому общежитию, целые обозы уходили туда

Скит на Малом Енисее

Старообрядческая часовня Воздвижения Креста Господня в Невьянске

с Урала (деньги, колокола). Перед кончиной сестра Демидова уехала в Выго-Лексинский монастырь. За те 22 года, которые стоял у правления демидовской империи Акинфий, на 16 заводах не было построено ни одной церкви (так называемой официальной), но на каждом была старообрядческая молельня на 1000–2000 человек. На вопросы, в чем дело, он оправдывался тем, что то у него нет средств, то у него нет людей, то нет времени. На демидовских заводах более половины ключевых должностей занимали старообрядцы. На вопросы, почему так, он ссылаясь на то, что они грамотные.

Старообрядцы строили свою Церковь по канонам. Так как единственный архиерей, который не принял реформы патриарха Никона, – епископ Коломенский Павел был к тому времени умерщвлен, а у старообрядцев не было трехчинной иерархии, то взамен архиерейства они завели институт старейшинства: иноческого и священнического. Из равных назначался первый, старший над всеми беглыми попами, спасавшимися от официальной Церкви.

Интересна история беглого попа Севастьяна, жившего в Нижнем Тагиле. Когда начался поиск старообрядческих священников, черный поп Севастьян был захвачен. Его обвинили в колдовстве: «Поп Севастьян девку Настасью обволшебствовал таким образом, что

она, когда его видит, паки изумлена бывает». Как только население Нижнего Тагила узнало об аресте, то там чуть ли не революция разразилась. Попа силой отбили от властей и спрятали.

Важнейшую роль играли скиты. Они всегда создавались рядом с каким-либо поселением. Старообрядцы, жившие в поселении, давали скитникам всё необходимое для жизни. А скитники молились за них.

В Невьянске находился господский дом, в ста метрах от него поморское общежитие на двести человек – старообрядческий монастырь. Невьянск был одним из трех важнейших центров уральского староверия. В 30–40-е годы XVIII века в Невьянске проживало 5000 человек, из них 4000 были старообрядцы. Вокруг города существовало 15–17 общин, которые считали Невьянск своим духовным центром. До той поры, пока Акинфий Демидов был в силах, власти не совались в Невьянск совсем. А вот в 1750 году, уже после смерти Акинфия, старообрядческий монастырь разогнали, разгромили и полностью уничтожили.

Второй центр беглопоповского староверия на Урале – это Нижний Тагил. Он значительно больше Невьянска. Например, одна старообрядческая «часовенка» там вмещала более 2500 человек – по масштабам она сопоставима с Исаакиевским собором.

Третий центр – столица, крупный город Екатеринбург, единственный в России, получивший статус горного. Во времена Василия Татищева старообрядцев там не было. Но рядом с Екатеринбургом находился маленький населенный пункт на берегах озера Шарташ. Там жили староверы. Шарташ был расположен на перекрестке торговых путей, богател и скоро стал составлять конкуренцию купеческому Екатеринбургу. В начале XIX века из 56 купцов Екатеринбурга 40 уже были старообрядцами – они переехали в Екатеринбург из Шарташа. Вскоре на многих важных административных постах стояли старообрядцы. Они также были старообрядческими старшинами.

Дома старообрядцы строили основательные, в три-четыре этажа, изысканной архитектуры. Например, особняк Льва Ивановича Расторгуева на Вознесенской горке до сих пор стоит, долгие годы в нем был Дворец пионеров. Сохранилась домовая церковь. Лев Иванович сколотил свое немалое состояние на винном откупе, объявил себя купцом первой гильдии (для этого нужно было иметь капитал не менее 50 тыс. золотом), но занялся не вино-торговлей, а за четыре года скупил целый горный металлургический округ. Его отец был бургомистром Вольска под Саратовом; все монастыри на Иргизе находились под его покровительством. На Иргизе были крупные старообрядческие скиты, монастыри, которые охотно принимали беглых попов со всей Руси. В 40-е годы XIX века Иргиз перестал существовать как старообрядческий. Монастыри были насильно переведены в единоверие. Но просуществовали недолго – люди ушли из них. Насильно мил не будешь.

Сохранились старые фотографии. Например, Григорий Зотов, еще один старообрядческий старшина. Сам он из низкого сословия, но достиг небывалых высот, потому что во многом был очень талантлив. Женился на дочери Расторгуева и после смерти того стал руководить его горным округом. Зотов был лично знаком с императором Александром I, который сказал о нем так: «Если бы у меня был хотя бы десяток таких администраторов, как этот мужик, я бы перевернул Россию». После смерти Александра I Зотова объявили причаст-

Мы истоптали лучшую часть своего племени, обрекли лучшую часть народа на гонения, вполне равные тем, какие отдали нам возмездно атеисты в ленинско-сталинские времена. 250 лет было отпущено нам для раскаяния, – а мы только и нашли в своем сердце: простить гонимых, простить им, как мы уничтожали их. Но и это был год, напомним, 1905-й – его цифры без объяснения сами горят, как вальтасарова надпись на стене...

А.И. Солженицын. Из послания Третьему Собору
Зарубежной Русской Церкви

Со старым обрядом осталась наиболее сильная, волевая и энергичная часть русского народа, старообрядческое движение объединяло миллионы русских людей самой высокой пробы. Несмотря на жесточайшие преследования и дискриминацию...

Т.Д. Соловей. Антиномия отечественной истории:
Империя VS. Национальное государство

Россия начала, слава Богу, понимать, что борьба с расколом обоилась ей дорожее всех войн, начиная с Отечественной войны 1812 года, Крымской и кончая Турецкой, что в войне с расколом Россия потеряла не пять и не десять миллионов людей, а «тьмы тем».

Д. Мордовский. Державный плотник

ным к убийству двух рабочих на заводе (дело курировал сам Николай I) и сослали в Кексгольм (ныне Приозерск), до которого он, впрочем, не доехал. По слухам, видели его впоследствии в собственном петербургском дворце, где он на балконе попивал чаек.

У многих общин в XVIII веке стали появляться свои святые места, туда начались паломничества. В основном это были могилки праведников, схимников. По сибирской тайге много таких потаенных мест, могилок, поклонных крестов. Могила инока Павла, матушки Платониды, Ефрема Сибиряка, схимника Максима... Есть местные святые места, а есть святые места общеуральского значения. Поход к святым местам — не обязательный элемент старообрядчества, но это очень спланировало общину, давало почувствовать себя членами огромного мира со своими законами, правилами, этническими и этическими нормами. На этих святых местах люди встречались, знакомились, общались.

Но в XIX веке всё выглядело уже совсем по-другому. Уже нет крупных часовен, нет беглых попов, нет тех влиятельных купцов. Почему? В 1838 году императорским указом (Николай I) было заявлено, что, если кто из староверов начнет записываться в гильдии, таковым отказывать. Для очень многих это оказалось серьезным ударом. С 1 января 1839 года возле екатеринбургской ратуши выстраивалась очередь купцов, которые желали записаться в единоверие, потому что единоверцам разрешалось быть купцами, а старообрядцам — нет. Второй удар по уральскому староверию был нанесен в 1845 году, когда старообрядцам было официально запрещено занимать административные должности. Все приказчики, руководители заводов и пр. были вынуждены перейти в единоверие. Первые поколения, по сути, еще оставались старообрядцами, а вот их потомки уже были единоверцами в привычном нам понимании.

Сейчас мы наблюдаем рост интереса к тому, что принято называть церковным расколом. Политики встречаются с представителями старообрядчества, не редкостью стали богослужения по старому обряду с участием высших иерархов Русской Православной Церкви. Все-му должно быть объяснение. Например,

мысль, что раскол — явление, которое может повториться, мне не кажется такой уж парадоксальной. Особенно если посмотреть на тот раскол шире — не как на церковный, а как на раскол в народе.

История редко повторяется по форме, но часто — по сути. Как говорит Валентин Григорьевич Распутин, это может произойти в других формах, под другими лозунгами, но на схожих основаниях, близких к тому, что староверы в отношении к себе называли «остальцами отеческого благочестия». Вот о чем всем нам, пожалуй, стоит не забывать, когда мы хотим — а ведь мы действительно хотим — единства в обществе.

Глубокая признательность кандидату исторических наук Сергею Анатольевичу Белобородову, чья лекция об истории староверия на Урале очень помогла автору при написании

Часовенные во время моления на Веселых Горах близ Тагила (Урал)

этой статьи, а также руководителю культурно-паломнического Центра имени протопопа Аввакума Максиму Борисовичу Пашинину, организовавшему (при содействии издательского отдела церкви свт. Николая на Берсеневке) встречу с ученым.

Часовенные Невьянского завода. Фото начала прошлого века

Признание в любви

Как же я жила без тебя раньше? Или только считала, что – живу? Вот уже четыре года я живу тобой. Без тебя мне нечем дышать, и, если я долго не вижу тебя, я заболеваю. На стенах моей комнаты – твои фотографии, и я долго смотрю на них перед тем, как уснуть. Мне тяжело жить в этом мире без тебя. Я не могу бросить всё и остаться с тобой навсегда. Но с тех пор, как я узнала тебя, ко мне даже в самые бурные дни житейских невзгод не приходит отчаяние. Я знаю: на день, на час я снова вырвусь к тебе, а вернувшись в мир – буду жить ожиданием нового свидания. Ты всегда примешь, утетишь, отрешь слезу с души, моя тихая гавань, моя желанная пристань – Коренная пустынь.

Как появилась ты в моей жизни? Была ли это случайность? Судьба? Промысел Божий? Школьницей с веселыми бантами на скучных уроках алгебры и физики я писала свои первые «творения», а потом сбежала с химии или физкультуры и несла эти опусы в редакцию молодежной газеты, где седеющий человек с молодыми смеющимися глазами, мой шеф, в которого я была немного влюблена, нещадно ругал и исчеркивал мою писанину, заставлял перерисовывать по несколько раз – и все-таки иногда подписывал в печать.

И вот – первое серьезное задание. Мне дают удостоверение внештатного корреспондента и черную редакторскую «Волгу». Газете нужен материал о трудовом отдыхе областного комсомольского актива, чей лагерь по-хозяйски раски-

нулся на живописных полянах. «Волга» сыграла нужную роль: невзирая на предательские бантики и заплатанные рукава школьной формы, корреспондента под руки провели в уютную полуподвальную комнату, накормили вкуснейшим обедом и продиктовали нужную информацию. Сквозь полукруглый, метровой глубины проем окна был виден поросший лесом крутой склон. Радужный хозяин похлопал ладонью по стене: «Монашеская келья. На века строили. А теперь мы тут «причащаемся»».

Вот и всё, что осталось в памяти от первой в жизни командировки. Да еще гордое название невзрачного поселка, в котором расположился комсомольский лагерь, – Свобода. Много лет спустя узнаю я, что у него есть второе, вернее, первое, исконное имя – Коренная пустынь. В светлый предпасхальный день в поисках нужного мне человека я постучу в указанную мне дверь:

– Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!

– Аминь! – раздастся изнутри.

Я шагну внутрь, и рука, поднятая для крестного знамения, застынет в воздухе, память краской стыда залетит лицо. Сквозь метровой глубины оконный проем – убегающий вниз лес.

Простишь ли ты меня, моя многострадальная Коренная? Истерзанная, изрытая бульдозерами (так пытались затоптать Божией Матерью подаренные людям источники), напоенная кровью мучениче-

ски погибших иноков, оскверненная антихристовой символикой – и все-таки выжившая святая земля, простишь ли меня за брошенный в тебя камень – за комсомольскую трапезу в монашеской келье?

Кто-то, прочтя эти строки, возможно, покрутит пальцем у виска: нашла в чем каяться! Нашла. «Господи, даруй ми зрети моя прегрешения», – читаем мы в молитве Великого поста. И Господь из глубин нашей памяти достает то, что давно проскользнуло незамеченным, не осознанным как грех. И становятся понятными призывы Церкви ко всеобщему, всенародному покаянию. Кто из живущих может назваться тем блаженным мужем, который никогда не шел на «совет нечестивых»? Дьявол в мире, и только покаянными молитвенными слезами можно и необходимо мало-помалу очищаться от его скверны.

В семнадцать лет приходит первая настоящая любовь. Ну что с того, что мне семнадцать, а ему двадцать пять? Но мама так переживает, что просит всех знакомых следить за каждым моим шагом, и когда я возвращаюсь домой с часовой прогулки по вечерним улицам, ей уже известен весь наш маршрут. Ах, мама, ты, конечно, права, я ему не пара, и он прекрасно это видит. Еще неделька – и я уеду учиться в большой красивый город, а он останется в заводской художественной мастерской рисовать плакаты и стенгазеты. Но сейчас, пока весь дом еще спит и солнце только чуть-чуть показалось из-за горизонта, я вылетаю из подь-

езда навстречу своему возлюбленному, и вот мы уже мчимся, скрываясь от надзора, на машине его друга по загородной трассе.

– Куда мы едем?

– Я покажу тебе свои любимые места. Здесь недалеко.

Тормозим у заколоченной церкви.

– Эта поселковая церковь сохранилась, – поясняет мой спутник. – А дальше, на краю поселка, был монастырь. Там все разрушено, но я люблю там бродить.

По крутому склону – уходящий к реке лес.

– Это Свобода?

– Это Коренная пустынь.

Знать бы тогда, что через много лет я столько раз буду бродить по этим склонам, что не останется ни одной незнакомой тропинки, ни одного внезапно выбегающего из-под корней родника: все здесь станет любимым и близким – чудом уцелевшая колокольня и новые колокола на ней, еще не отреставрированные корпуса со старинными келиями и поднимающиеся из небытия храмы, часовенка с золотым ангелом на шпилье и собранные в ней кости, которые во множестве находят при раскопках старинных фундаментов, черные силуэты вновь поселившихся в своей обители иноков и веселое жужжание насельников монастырской пасеки. И сама эта земля, излучающая невидимую благодать. Мне рассказывали, что однажды приехал в Коренную старенький монах с Украины. Еще не все жители поселка смирились с новым соседством и считали монахов чуть ли не захватчиками, молодые ребята разгуливали по монастырской территории с сигаретами в зубах и бутылками в карманах, нарочито громко сквернословили, заведя идущего навстречу инока, устраивали около источников нудистские пляжи; трепыхалось на веревках белье еще не переселенных из монастырских зданий мирских жителей, две кумушки-соседки, высунувшись из окон, громко обсуждали третью. А украинский монах, едва шагнув в ворота, опустился на колени и целовал землю. Кто-то из молодых послушников не смог сдержать удивления и спросил старца, зачем он это делает. «Да ведь эта земля – святая, как алтарь в храме, только не все это видят» – был ответ.

Был теплый июньский день. Сияло солнце. Москва сверкала золотом куполов. Светло и радостно звонили к вечерне.

А я стояла в почти пустом еще храме перед чудотворной иконой Божией Матери, и по щекам текли слезы. Вот уже месяц, как из моей жизни исчез очень близкий человек, и я не знала, где он и жив ли вообще. В Москву я приехала специально – чтобы попросить помощи у единственной моей надежды – Споручницы грешных: только Она, Владычица и Матерь наша, может – верила я – подать мне утешение в моей печали. Вернувшись домой, полу-

Курско-Коренная икона Божией Матери «Знамение». Подлинник

чила письмо со знакомым почерком, отправленное в тот день, когда просила помощи у Царицы Небесной. На почтовом штампе – четкие буквы: «Свобода». Коренная пустынь снова звала меня. На этот раз – чтобы уже никогда не отпускать мое сердце.

Старый, дребезжащий рейсовый автобус подкатил к крошечной автостанции и выпустил меня из своего душного, переполненного чрева. Шел ровный, спокойный дождь, явно собравшийся основательно напоить жаждущую землю. Надежды на то, что он скоро перестанет, не было, и я решительно зашагала по лужам. Улицы с маленькими деревенскими домиками, перемежающимися магазинчиками-лавками. Поворот, еще поворот и еще, и вот уже где-то далеко внизу на сером небе – стройный силуэт колокольни. Парусиновые туфли хлопают на расползающейся глине, газовая косынка пузырится на мокрых волосах.

Ни души вокруг. Это хорошо. Сейчас не хочется видеть ничего мирского. Вот, наконец, и он – под низкими сводами вновь строящегося храма – источник, забивший на месте обретенной 700 лет на-

зад Курско-Коренной иконы Божией Матери. Совсем не так, как рисовалось в воображении: источник – родник – ручеек.словно выкачиваемый из земных глубин мощным насосом, уходит в небольшую быструю речку Тускарь. Многих своих знакомых приведу я позже к этому месту, и одна из них, пожилая интеллигентная учительница, в недоумении скажет: «Как же он так течет... неэкономно? Можно же его на время как-то перекрыть? Ведь так вода когда-нибудь иссякнет!». Нет, моя наивная спутница. Нельзя перекрыть. Это уже не раз пытались сделать в семидесятилетний безбожный период. Бьет эта живая вода уже 700 лет и не иссякнет до тех пор, пока не иссякнет милость Матушки Божией к людям.

Я опускаюсь на колени и ловлю воду губами, лицом, руками. «Можно поплакать, спокойно поплакать, кто разберет, где вода, где слеза», – вспоминаются слова любимой песни. Надо бы набрать водички домой, да вот посуды я в спешке никакой не захватила. Нет, как же: в литровой бутылке из-под кетчупа – крепкий кофе, который я всегда беру в дорогу. И вот уже кофе вылит в траву, а бутылка наполнена водичкой. С этого дня она не иссякает в моем доме. Одна из самых важных моих забот теперь – чтобы чудная вода эта всегда питала моих детей, домочадцев и всех, кто обратится ко мне за этим лучшим в мире лекарством. И кофе мне в дороге больше не нужен: в дальнем пути со мной вода из Коренной.

Храм над источником теперь достроен и освящен на два престола, в честь икон Божией Матери «Державная» и «Животный Источник». А родниковая струя через трубу выведена наружу у входа в храм. Нет такого дня, чтобы здесь было безлюдно. Небольшая, в несколько человек, очередь в будни. Растянувшаяся на всю длину долгого спуска к воде вереница паломников – в праздники. И дай Бог, чтобы эта очередь никогда не прерывалась, чтобы как можно больше людей по вере своей получали помощь Матери Божией через Ее святой источник. Я видела эту явную помощь уже дважды.

Маленькую Ирочку испугала собака. Девочка долго не могла успокоиться, стала вскрикивать и плакать по ночам, и молодые родители, недолго думая, повели ее к бабке – «выливать испуг». Та, пошептав над воском, капающим со свечи, показала им на блюде образовавшееся пятно,

У святого источника

и впрямь похожее на силуэт собаки. Родители ушли обнадеженные. Ирочка про собаку не вспоминала, но следствием запрещенного Библией похода к восколеям стал лунатизм: ребенок вставал ночью, бродил по комнатам, выходил на улицу. Когда девочка в одну из ночей прошла по краю ямы для нечистот и только случайный прохожий спас ее от гибели, родители кинулись к священнику, а тот, объяснив, что ребенок по вине родителей попал под власть темных сил, попросил меня сопроводить их в Коренную пустынь. Заказав молебен перед списком с чудотворной иконы, малышку отвели на источник, облили и напоили водичкой, набрали бидончики и бутылки домой с тем, чтобы на ночь окроплять кроватку и поить ребенка. Прошло несколько лет. Здоровенькая, всегда веселая Ирочка больше никогда не просыпается по ночам и очень любит бывать в Коренной пустыни. Перебегая от источника к источнику, непременно набирает в каждом, даже самом крошечном безымянном родничке, по бутылке воды. Папа подписывает их и складывает в большую сумку, чтобы хватило семье до следующего приезда.

А однажды морозным зимним днем я обходила свои любимые источники с тем самым близким мне человеком, которого помогла отыскать мне Мать Божия и который является теперь одним из насельников монастыря в Коренной.

— А знаешь, — сказал мой спутник, — я недавно узнал об одном источнике, он называется «глазной», помогает при болезни глаз, от него даже слепые прозревали. Пойдем?

Накануне щедро выпал снег и засыпал тропинки. Мы двигались по снежной целине наощупь, снег забивался в сапоги, не пускал. «Зачем мне этот источник? — невольно мелькнула мысль. — Ведь из моих знакомых никто не хворает глазами. Ну да ладно, наберу воды — раздам старушкам в храме». Постояли у маленького источника, помолившись, зачерпнули воды... Вернувшись домой, я узнала, что все три дня моего отсутствия дочка не ходила в школу: по неизвестной причине разболелся и воспалился глаз. Белое глазное яблоко превратилось в красное месиво, из-под распухших век непрерывно текли слезы.

— Что же вы сидели! — набросилась я на домашних. — К врачу же надо!

— Да все думали — пройдет, тебя ждали.

— А чем я помогу? — и осеклась. Маленькая бутылочка воды из «глазного» источника в сумке. Но что с ней делать? Пить? Умываться? Беру пипетку и закапываю под веко, как глазные капли. Наливаю в блюдце и даю дочери ватку: «Промокай глаз». А сама — бегом готовить ужин, кормить младшего, проверять тетрадки старших. Вернулась к дочери — а она уже спит. Ну ладно, утром поедem к врачу. Наутро подхожу к просыпающейся дочке.

— Как твой глаз?

— Какой глаз? — сонно бормочет она. И вдруг подскакивает на постели. — У меня ничего не болит!

Голубые глаза смеются. Нет и следа от вчерашнего кошмара. И словно как доказательство, что все это не присни-

лось, — маленькая, будто шариковой ручкой поставленная, красная точка на глазном яблоке. Так вот почему «понесло» меня по сугробам к неприметному источнику. Я не знала, что дома случилась беда, а Мать Божия — знала и вела меня, недостойную маловерку, чтобы подарить лекарство для страдающего ребенка.

Впрочем, бывают здесь и не только исцеления, но и вразумления. Недугующий остеохондрозом мужчина, сам врач-массажист, решил прибегнуть к нетрадиционной терапии и приехал в пустынь. Миновав табличку «Купаться запрещено» (вода в источнике впадает в реку прямо перед алтарем храма), с шумом сиганул вниз головой в реку... и свернул шею. К счастью, травма оказалась не смертельной. Владычица мира и этих мест лишь строго предупредила самонадеянного паломника.

Девятая пятница по Пасхе. Снова, как в былые времена, движется из Курска в пустынь крестный ход. Сверкают на солнце хоругви и облачения духовенства, тянут руки к святыне больные и увечные, родители поднимают над толпой детей. Словно ожившая картина Репина «Крестный ход в Курской губернии». *Яко необоримую стену и источник чудес стяжавшие Тя раби Твои, Богородице Пречистая, сопротивных ополчения низлагаем, темже молим Тя: мир Отечеству нашему даруй и душам нашим велию милость*, — разносится окрест. Вот так же несли с пением икону по курским улицам два века назад, и вдруг из дома выбежала женщина с исхудавшим в долгой болезни детским тельцем на руках. Положила сына на землю, и чудный образ Богоматери пронесли над ним. Очнувшись дома, мальчик рассказал, что, когда родные видели его умирающим, было ему явление Царицы Небесной, и Она обещала ему скорое выздоровление. Исцеленный отрок Прохор через несколько лет ушел с материнского благословения в Саровскую пустынь и принял монашеский постриг с именем, дорогим ныне каждому православному, — Серафим. Скольких же исцелила, скольким подала утешения Милостивая Владычица наша через Свою икону за долгие семь столетий?! Записана, сохранена в истории лишь малая толика Ее чудес...

Монахи пустыни встречают крестный ход из Курска на улицах поселка и под ликующий трезвон сопровождают святыню домой, на место ее явления. Так повелось с 1618 года, когда указом царя Михаила Феодоровича икона была поставлена в специально выстроенном для нее в Курске Знаменском монастыре (ныне

восстановленном), там она находится большую часть года, а летом на три месяца возвращается в Коренную пустынь. Правда, сейчас это не древняя явленная икона, а чтимый список с нее. Та самая была вывезена в конце 1919 года курским епископом Феофаном за пределы России и стала Путеводительницей Русского Зарубежья. Узнав о возвращении Церкви Коренной пустыни, Русская Православная Церковь Заграницей прислала ей список, освященный на первоисточнике.

Многие наши соотечественники возмущаются по этому поводу: почему прислали список, а не саму святыню? Однажды во время богослужения в одном из курских храмов я наблюдала, как по храму ходили женщины и предлагали желающим подписаться под письмом-обращением к руководству Зарубежной Церкви с требованием вернуть икону. Подошли они и ко мне. Я не стала подписывать письмо, хотя моей заветной мечтой было – поклониться чудному дару Небесной Царицы. Но в этом благом нашем стремлении не нужно забывать, что не люди и не власти управляют Божиим произволением. У чудотворных икон особая судьба, подчас необъяснимые «поступки». Когда в лесной чаще охотником была обретена Курская икона, благочестивые курыне побоялись оставлять ее одну в глухом месте и перенесли в ближайший город – Рыльск, где были достойные принять ее храмы. Но икона чудесным образом вернулась на место своего явления; ее снова забрали в Рыльск – и снова, исчезнувшую, обнаружили среди могучих вязов и кленов. Так продолжалось до тех пор, пока люди поняли волю Божией Матери и оставили святыню на указанном месте. После Октябрьского переворота, в начале 1918 года, среди бела дня икона была похищена из курского Знаменского собора. Поиски не принесли результатов. Но вскоре икона нашлась сама: проходившая мимо колодца женщина увидела лежащий на срубе сверток. Когда она разворачивала его, подошел священник и узнал в открывшейся иконе чудотворную святыню. Не было ли это знамением того, что иконе пришла пора на время покинуть Россию?

Я твердо верю, что наступит день, когда она вернется из далекой Америки домой. Ведь местные жители рассказывают, что в безбожные годы, когда в дни положенного перенесения иконы Коренную оцепляли наряды милиции, а люди все же пробирались окольными тропками к святым источникам, многие, особенно дети, видели на небе явление Божией Матери.

Она проходила над Своей землей, а вслед за Нею, как свидетельство подлинности Ее явления, появлялся образ креста. Она вернется сюда. Только сделает этот шаг не по нашему требованию, а призыв на смиренное покаяние истосковавшихся по чистоте и правде земляков. А пока – по вере нашей да будет нам. Современный список-икона щедро раздает милости Божией Матери с верою притекающим к нему.

Заканчивается праздничный день перенесения иконы. Отслужены литургия, молебен, водосвятие. Икона-список – на аналое на площадке перед храмом. Длинная очередь на поклонение. Подвожу и я маленького сынишку, который мечтает быть здесь монахом (дай Бог, чтоб не забыл, когда вырастет!). И вдруг стоящая у иконы охрана задерживает наше движение и раздвигает очередь. Несколько сильных молодых казаков с огромным усилием тащат с нечеловеческой силой упирающуюся и вырывающуюся маленькую худую женщину в разорванной одежде. На измученном лице – ужас, изнутри рвется не принадлежащий ей крик, ни на что не похожий нечленораздельный звериный рев, а губы женщины шевелятся, и я ясно слышу тихий – ее! – голос: «Матерь Божия, помоги!». Казаки подтаскивают, наконец, женщину к иконе, прижимают к лику Пречистой ее голову с разметающимися волосами и поливают святой водой. От наступившей тишины звенит в ушах. Казаки отступают, а женщина тихо-тихо отходит от иконы и идет, не стыдясь своей наготы и бегущих по лицу слез.

Праздник окончился. Я возвращаюсь в мир, немного завидуя тем, кто может остаться на этой святой земле навсегда. Те, кто живет в Коренной, даже за ворота монастыря выходят крайне редко и неохотно. «Там даже воздух другой, – говорят они. – Что-то давит и мешает дышать». Я возвращаюсь. Мне нельзя не возвращаться: в миру у меня дом, семья, обязанности. Но знаю, что, пока жива, буду приезжать к тебе, моя чистая, моя светлая, моя благословенная Коренная пустынь. Когда я очень тоскую без тебя, то, приехав, беру благословение остаться в обители на ночь и, уже не заботясь о времени, слушаю твои родники, вдыхаю нежный запах хвои, зарываюсь лицом в опавшее золото кленов. Ты добра и щедро ко всем, приходящим к тебе с чистым сердцем. Много, как много ран оставило на тебе безбожное время. Но трудами братии и щедротами добрых людей ты поднимаешься во всей своей былой красе. Приезжали к тебе и католические пасторы, просились сослужить монастырской

братии. Ответ игумена тверд: служить с вами мы будем только тогда, когда вы примете православие. Улыбнулись добрые католики: тогда хоть помощь от нас примите – деньги, технику, рабочих. Вежливо, но твердо отказался мудрый игумен: благодарствуйте, мы, с Божией помощью, сами.

И не беда, что в бедных келиях братии не хватает одеял и постельного белья, что спят на списанных больничных кроватях, что в будни на архимандрите штопанный-перештопанный подрясник. Они поднимут тебя, Коренная. А одеяла?.. Монах и рясой укроется.

В КОРЕННОЙ ПУСТЫНИ

Мир тебе, монастырский приют,
Всех скорбящих – покой и отрада.
Вот и осень, и снова я тут,
О, моя неземная награда!

Я живу – этой встречей с тобой,
Без тебя я скорблю и болею,
Плачу грешной, мятежной душой
И дышать без тебя – не умею.

Я бреду по осенней листве,
К благодатной реке опускаюсь.
Осторожно ступая в траве,
В родниковых струях умываюсь.

Колокольный рассыпался звон,
Сквозь верхушки деревьев струится.
Словно детства забытого сон...
Все вокруг чистотою живится.

И заботы, дела, суета –
Все забылось, ушло, растворилось.
В тишине перед вечностью став,
Благодатью душа озарилась.

День придет – и она, отлетев,
С бранным телом надолго простится
И в последний свой час на земле
К этим дивным местам устремится.

Припадая к иконе святой,
В покаянье склоняюсь пред Пречистой,
Я с последнею просьбой земной
Предстою перед ликом лучистым.

Даже если пребуду в огне
За земное мое не-смиренье,
Милосердная, выпроси мне
Средь заслуженных мук – утешенье.

Провожая на скорбь или покой,
Дерзновенье, отцы, мне простите:
Схороните меня в Коренной,
Под кленовой листвою схороните.

Старчик

В монастыре все называли его «старчик». Нет, это не было пренебрежением или неуважением со стороны братии. Напротив! У кельи отца Ионы всегда толпились паломники, жаждущие пастырского наставления, да и братия, подходя под благословение, спешили рассказать о наболевшем. Даже сам отец наместник – высокий и властный архимандрит – нередко искал у старого монаха совета, а в трудных случаях отправлял к нему монашествующих и мирян: «Как отец Иона благословит, так и поступайте».

Когда после 70-летнего безбожия Церкви начали возвращать руины монастырей, старенький иеромонах Иона (Бузов) стал одним из первых насельников Курской Коренной пустыни. Маленького росточка, щуплый, согбенный, молчаливый, он и впрямь подходил к своему ласковому прозвищу – старчик. А закрепилось это прозвище за ним с тех пор, как курский владыка архиепископ Ювеналий, пресекавший человекоугодничество и гордыню на корню, услышал, как паломники называют между собой отца Иону старцем. «У меня в епархии нет старцев! – грозно сказал владыка. – Он не старец, а старик!». Слово владыки – закон. Но до конца смирить окормляющихся в Коренной пустыни мирян все же не удалось. Так и родилось компромиссное: старчик.

Надо сказать, что сам отец Иона от смиряющего окрика архипастыря вовсе не смутился и не огорчился. Ему было видимо тяжело благоговейное внимание страждущих. Когда к нему подступали с вопросами, он, не глядя на вопрошающего, бормотал, согнувшись почти до земли: «Я грешный, я немощный, у меня четыре грибки...».

Мы с моим супругом познакомились с отцом Ионой при обстоятельствах неожиданных. Приход наш расположен в соседней, Белгородской области, километрах в 130 от Коренной пустыни. Но, несмотря на расстояние, бывали мы там часто и своих прихожан заразили любовью к возрождающейся обители. Не единожды устраивали в храме сбор продуктов, постельного белья, одеял, подушек и отвозили всё это в монастырь.

В тот раз мы приехали к концу вечерней службы. К тому времени у нас уже было благословение отца наместника выезжать на территорию монастыря на машине, и мой батюшка остановился возле трапезной. Вскоре выходящие из храма монахи и послушники с благословения

архимандрита принялись выгружать мешки с картошкой и капустой. Был среди них и отец Иона, которого мы тогда увидели впервые. Маленький монах в накинутах поверх подрясника видавшем виды цветистом плаще. Он направился к моему супругу, сложил ладошки и склонился в поклоне: «Благословите, батюшка». И батюшка – благословил. Прочие монахи прятали улыбки. Архимандрит пояснил: «Это наш старчик, можно сказать – духовник обители».

Позже мы узнали, что школу монашеского смирения отец Иона прошел у известного во всем православном мире старца-архимандрита Серафима (Тяпочкина), с которым прослужил много лет в сане диакона в храме поселка Ракитное Белгородской области. Когда старец почил в Бозе, отец Иона продолжал свое служение в Никольском храме поселка Ракитное, а в 1992 году был переведен в возвращенную Церкви Коренную пустынь.

Это был единственный в то время монастырь в Курско-Белгородской епархии, и очень многие верующие и ищущие духовного утешения люди стали стекаться к источнику духовной благодати. Источнику – не только в переносном, но и в прямом смысле, ведь на огромной территории древней обители проистекает из земли множество святых источников, главный из которых – так сказать первоисточник – тот, что забил под корнями старого вяза в 1295 году на месте обретения чудотворной Курско-Коренной иконы Божией Матери. С тех пор не зарастает к нему тропа, ведущая в монастырь паломников со всего православного мира. Ни столетия татарского ига, ни массовое закрытие монастырей в царствование Екатерины Второй, ни варварское уничтожение обители в советское время, когда святые источники засыпали и сравнивали с землей бульдозерами, – не смогли убить в людях веру, не смогли уничтожить народную тропинку. И с тех пор, как монастырь был вновь открыт, не случалось дня, чтобы пустовали его храмы, чтобы не тянулась очередь к святым источникам...

Отца Иону многие знали, помнили по раkitинскому храму. Слух о действенности его бесхитростной молитвы распространился далеко за пределы епархии. Маленький старчик стал духовным столпом Коренной пустыни.

Несмотря на строгое (и, надо сказать, мудрое) предупреждение владыки Ювеналия, ограждавшего отца Иону и паломников от «старчепоклонства», везде, где бы

ни появился старчик, его тотчас обступала толпа. Сейчас я, наверное, жалею, что, часто бывая в Коренной, ни разу не примкнула к этой толпе. По двум причинам. Во-первых – и в-главных: у меня не было таких неразрешимых вопросов, в которых мне не мог бы помочь мой духовный отец или наместник обители архимандрит Иоанн, всегда очень благосклонно ко мне относившийся и часто устаивавший беседы в своем кабинете. А во-вторых, мне просто было жалко старчика, принуждаемого под палящим солнцем или пронизывающим ветром часами выслушивать страждущих. Ну что я ему скажу, что хочу услышать?

Как-то я повезла в пустынь знакомых. Молодая женщина потеряла нерожденного ребенка вследствие тяжелой инфекционной болезни, врачи сказали, что детей у нее больше не будет, и несчастная очень хотела услышать от старчика слово утешения. Вместе с ней я подошла к окружившим старчика паломникам и услышала возмущенный вопль одной из них: «Батюшка! Моя соседка племяннику мотоцикл купила! Так вы мне скажите, откуда у нее деньги?!» – «Я больной, у меня четыре грибки...» – слабо отбивался старчик. Мне захотелось схватить перепутавшую священника с гадалкой богомолку за руку и оттащить куда-нибудь за ограду монастыря. Но правила приличия, конечно, удержали меня на месте. Однако в тот момент я твердо решила никогда не докучать старчику своими проблемами. А моя молодая спутница подошла к батюшке последней и долго разговаривала с ним. От усталости он присел на кучку каких-то досок (тогда в Коренной повсюду шла стройка), а женщина опустилась на колени прямо в смешанную со щебенкой пыль. «Будет у тебя сыночек», – ласково сказал ей старчик. И добавил: «Только ноготочки свои не крась, ты и так красивая». Это замечание поразило мою спутницу даже больше, чем обещание батюшки, ведь, собираясь в монастырь, она накануне тщательно подстригала ногти и оттирала ацетоном. Через некоторое время ее свекровь позвонила нам и пригласила на крестины. Так случилось, что в больнице, где лечилась моя знакомая, в детском отделении лежал брошенный родной матерью мальчик, и они с мужем решили его усыновить...

Мы часто брали с собой в монастырь детей. Один из наших сыновей, Максим, больше других полюбил Коренную, подружился с монахами и послушниками и, с

благословения отца наместника, проводил в обители школьные каникулы. В этот раз я везла 12-летнего сына в совершенно пустом автобусе ранним утром 1 января. За окном стоял 25-градусный мороз, да и в автобусе было немногим теплее. Я уже раскаивалась в том, что поддавалась на уговоры сына: он только что переболел гриппом и продолжал почти непрерывно кашлять. Но переубедить этого настырного ребенка не было никакой возможности. Через поселок, на окраине которого находится монастырь, мы почти бежали, спасаясь от пронизывающего холода. Максим скакал вокруг меня, излагая новую идею: «Ма, а ма! Там монахи по вечерам на источнике обливаются. Ладно, и я с ними?». – «Нет, нет и нет!» – отрубила я. Но Максим не унимался: «Ма, а ма? Ну ладно? Ты разрешила, да?». И тут меня осенила светлая мысль: «Ты в монастырь идешь? Вот там и проси благословения!». Разумеется, я была в полной уверенности, что ребенку, да к тому же кашляющему, никто не позволит превратиться на морозе в ледяной столп. Максим утих.

В монастыре нас сразу же принял архимандрит Иоанн. Оставить Максима на каникулы в обители он согласился, памятуя, как летом он работал на монастырской пасеке. Но тут в приемную вошел старчик. Его неизменный плащик покрылся изморозью и надулся нестигаемым колом, изпод обтрепанных манжетов виднелись красные оковеневшие пальцы.

– Отец Иона! – ахнул архимандрит. – Опять! Я же вам благословил пальто! А где перчатки и шарф?

– Да ну их, – прошелестел старчик, – мне в них жарко.

Максим взглянул на меня глазами, в которых ясно читалось: «Вот такое послушание!». – «Тебя это не касается», – ответила я взглядом. А архимандрит снова обратился к старчику:

– Вот послушник к нам на две недели приехал. Возьмем?

– А он слушаться будет? – вопросом на вопрос ответил старчик.

– Буду, буду! – поспешил Максим. – Только... благословите на источнике обливаться!

Старчик прищурился:

– Ну, если в остальном слушаться будешь, то – благословляю.

– Батюшка! – ахнула я. – В такой мороз! Да у него кашель.

– Где мороз? – удивился старчик. – Жарко!

Через две недели, когда я вернулась за сыном, он с удовольствием рассказывал, как чистил картошку в трапезной, мыл полы в храме, ездил с послушниками на

санях в лес за елками к Рождеству и получил от владыки подарок на архиерейской елке. И, конечно, как обливался из источника Богородицыной водичкой из полного ведра. Была она такою теплой, что не хотелось и одеваться. А от кашля не осталось и следа.

...С каждым годом старенький отец Иона болел все больше и уже не принимал в келье паломников. В 1996 году владыка Ювеналий постриг его в великую схиму с именем Иоанн. С этого дня старчик совсем скрылся под схимническим куколем; на службу в храм и обратно в келью его вели под руки – а порой и несли – два послушника, ограждая от назойливых почитателей.

И все-таки настал день, когда и мне довелось увидеть реальную помощь старца иеросхимонаха Иоанна.

Моя мама – солдат Великой Отечественной. Та страшная война не только сожгла ее молодость и забрала единственного брата, но и на всю жизнь «наградила» бессонницей. Всю оставшуюся жизнь мама моя проводила долгие ночи за чтением или писанием дневников, не расставаясь с сигаретой – той же наследницей войны. Родившаяся и всю жизнь прожившая в атеистическом государстве, мама относилась к религии не как атеистка, но и не как истинно православная христианка, а скорее философски. И хотя в конце жизни она бывала в храмах, несколько раз исповедовалась и причащалась, но бросить курить или хотя бы признать эту страсть грехом не могла. Так

и не удалось нам с сестрой переубедить ее. Она искренне не понимала, как может быть грехом то, о чем не написано в Библии. Наконец мама тяжело заболела. Пригласили священника, который поисповедовал и причастил ее. Но на вопрос сестры, покаялась ли она в грехе курения, мама отвечала отрицательно. Вскоре она впала в кому, и мы уже готовились к неизбежному концу. Я поехала в Коренную и попросила отца наместника помолиться за болящую, рассказав о нашем горе – нежелании мамы покаяться в грехе курения. Отец архимандрит ответил: «Я скажу старцу».

Буквально на следующий день позвонила сестра: мама очнулась. Приехав, я застала ее бодро расхаживающей по квартире. Она была в светлом рассудке и памяти, только иногда обращалась к нам: «Где спички? Дайте спички». Но когда ей подавали коробок, вертела его с недоумением: «А зачем мне они?». «Она забыла, что курит!» – шепнула мне сестра.

Снова пригласили священника и совершили Соборование – таинство, в котором человеку отпускаются грехи, забытые или не осознаваемые как грехи.

Мама мирно скончалась 20 июня 2002 года.

Через месяц отошел ко Господу старец иеросхимонах Иоанн (Бузов).

На его могилке на возрожденном монастырском кладбище горит неугасимая лампада. Но что еще важнее – горит она и в тысячах душ тех, кто получил благодатный огонек батюшкиной веры.

Могилка старчика Иоанна

И еще о чем-то важном

Перечитывая рассказы священника Ярослава Шипова

Когда я чувствую, что подступает уныние, что я у него уже «на мушке» и вот-вот паду как подстреленный, – в эту минуту душевной растерянности я беру с книжной полки сборник рассказов священника Ярослава Шипова. Открываю на любой странице – и тучи расходятся, уныние отступает. Как и отчего это происходит – до сих пор не знаю. Воздействие литературы на душу человека таинственно и сокровенно.

Кому-то рассказы отца Ярослава могут показаться слишком приземленными: сюжеты их крепко привязаны ко времени и месту. Девяностые годы, вологодская глубинка. Пьянство, бездорожье, нищета и одиночество – все это так узнаваемо. В неказистых историях о горемычных жителях развалившегося колхоза нет ни ошеломляющих чудес, ни важных моральных назиданий. Но вот что удивительно: дочитывая на одном дыхании книгу, уже не гадаешь о том, получил ты духовную пользу или нет. Зато ясно слышишь высокую музыку той жизни «простых» людей, к которым в эту минуту ты смиренно готов отнести и себя.

«Там все-таки что-то есть» – говорят люди неверующие, но сомневающиеся в своем неверии, указывая в небо. «Здесь что-то есть...» – думает читатель рассказов Ярослава Шипова, вдруг по-новому глядя в ту жизнь, что течет рядом. Сколь многого мы не замечаем по своей затурканности и устремленности в призрачное завтра.

Печаль и красота повседневности сегодня в пренебрежении у литературы, она разучилась говорить с нами «за жизнь» так, как говорили Василий Белов и Георгий Семенов, Василий Шукшин и Юрий Казаков, Виктор Астафьев и Валентин Распутин.

Тем радостнее читать рассказы отца Ярослава Шипова, в них, таких небольших по объему, – глубокое дыхание большой русской литературы. Отдаваясь течению этой прозы, ты чувствуешь, как твоя безумно скачущая жизнь возвращается в те берега, в которых она текла у наших дедов и прадедов. Ты начинаешь смотреть на жизнь спокойно, внимательно и с любовью.

«Но в одном я укрепился – художник обязан служить Господу»

Сейчас отец Ярослав Шипов служит в московском храме Георгия Победоносца на Варварке. Мы встретились в его маленькой квартире, где он живет с детьми и внуками.

– Вы родились в 1947 году, а имя Ярослав было тогда очень редким. Да и сейчас встречается нечасто. Почему вас так называли? Родителей увлекала история Древней Руси?

– Нет, тут другое. Хотя тоже во многом героическое. Во время войны мой отец служил в газете «Красная звезда». В конце войны его направили в партизанский отряд в Высокие Татры, в Чехословакию. Там были молоденькие ребята, жених с

невестой – Ярослав и Милада. Однажды, когда партизаны на рассвете в тумане перебежали какое-то шоссе, немецкий патруль их заметил и открыл огонь. Среди тех, кто погиб, были Ярослав и Милада. И тогда оставшиеся в живых пообещали друг другу, что когда после Победы вернутся домой и у них родятся дети, то назовут: если сын – Ярослав, а если дочка – Милада. Вот так я стал Ярославом.

– А откуда ваши корни?

– Из Москвы. Прадед снимал жилье у священника, служившего в том же храме Георгия Победоносца на Варварке, где я сейчас служу. А мама – Анастасия Ивановна Вакурова – из костромского города Солигалича. Отец ее Иван Ильич – фельдшер, всю жизнь лечил там народ. Когда я в молодости первый раз приехал в Солигалич, то деда еще хорошо помнили там.

– Где же познакомились ваши родители?

– В журнале... «Безбожник», в начале 1930-х годов. Они были тогда то ли рабкорами, то ли селькорами. Вскоре поженились. Мама работала в журнале «Дружные ребята», в «Пионерской правде», а потом перешла в «Комсомольскую правду». Там и застала ее война.

– Алексей Алексеевич уже служил тогда в «Красной звезде»?

– Отец встретил войну командиром пулеметной роты. Вскоре его направили в газету «На разгром врага». Там собрали интересных людей: поэты Михаил Светлов, Арсений Тарковский, совсем юный Юрий Левитанский, будущий литературовед Борис Бялик... Однажды маме дали командировку в Первую ударную армию, где она надеялась повидаться с отцом. Но не застала: наши сбили «раму» – немецкий разведывательный самолет, и он должен был про это написать. Пока ждала отца, познакомилась со Светловым, который тут же сочинил:

В совершенное ненастье

Ко мне явилась Настя,

И я подумал, выпив:

«А где ж товарищ Шипов?...».

– Детей у них тогда еще не было?

– Уже трое! Алексею три года, Роллану шесть и тринадцать Ирине. Их эвакуировали сначала в Васильсурск, на Волгу, а потом в Сибирь, на Иртыш. В пути Алеша сразу потерялся. Потом они стояли где-то в тупике и вдруг видят: какая-то тетя ведет их Алешку. Оказывается, его подобрали люди с другого эшелона. Малыш сразу признал своих, а женщина говорит: «А он в сереньком пальтишке – мы и прозвали его Мышонком...». Дальше уже поехали все вместе.

– Я знаю, ваша мама была в Сталинграде.

– Да, весной 1943-го вместе с выездной редакцией «Комсомолки» приехала

Когда меня спрашивают, о чем рассказы Шипова, я всегда затрудняюсь с ответом и говорю: «Да вроде о жизни...». Чувствуя убогость такого ответа, добавляю: «Ну, и еще о чем-то важном...».

Почему же я не могу назвать это важное? Быть может, потому, что есть вещи, которые каждый угадывает душой по-своему, а назови это словами – и станет досадно от своей приблизительности, от примешавшегося пафоса.

Конечно, и рассказы отца Ярослава можно пересказать. Ведь это всегда житейская история с ясным сюжетом, и кажется, ты много раз слышал такие истории от попутчиков в поезде, от людей, случайно встреченных тобой на вокзале или на причале. Но невозможно пересказать интонацию, нельзя привести рассказанное к общему знаменателю моральной сентенции. Там, где другой рассказчик непременно бы подвел черту и с радостью поделился бы нравоучением, Шипов умолкает, даже намеком не склоняя читателя к однозначному выводу.

И еще очень важное свойство рассказов Ярослава Шипова – в них всегда есть место улыбке. Смешных мест там немного, но добрая усмешка бывшего человека светится на многих страницах.

Священник, начинавший свое служение на деревенском приходе в бедственное и смутное время, скептически слушает возвышенные рассуждения тех, кто умиляется неиссякаемому

помогать восстанавливать тракторный завод. Первые впечатления от города у нее были материнские: в одном месте над грудой кирпичей торчит фанерка – «Детский сад № 17». Она заглянула за эту груды, а там ровненькая площадочка, девушка стоит с автоматом, а вокруг сидят ребятишки на немецких касках, как на горшках. Там мама в основном детьми и занималась. Устроили пионерлагерь на той стороне Волги. Солдаты поставили палатки. Затеяли военную игру, раздали детям палки вместо винтовок, а один мальчонка лет одиннадцати не идет играть – забрался в палатку, лег, повернулся на бок: «Я навоевался». Потом выясняется: мальчонка был разведчиком в Сталинграде, у него две медали, и он с палками в войну уже не играет. А потом было первое сентября. Привезли учительницу из Москвы, она спрашивает, у кого где родители. Один встает, говорит: «Папа погиб на фронте, маму угнали немцы...». Когда дошла очередь до пятого или шестого ученика, учительница выбежала из класса – не могла слез сдержать.

– Вместе с вашей мамой в выездной редакции был и легендарный фронтовой поэт Семен Гудзенко...

– Мама рассказывала, что с Семеном весело было работать. Он после ранения еще слабый был, лежит в вагоне на верхней полке, а она приходит с Тракторного и рассказывает ему, что видела, и он тут же выдает одну или две строфы.

– Анастасия Ивановна и после войны продолжала работать в «Комсомолке»?

– Мама оставалась бы там и после войны, но помешал ей... я. После декре-

та пошла в газету «Сталинский сокол», а потом перешла в журнал «Советская женщина», руководила отделом семьи и школы, пока были силы.

– Вы родились в Москве?

– Да. Помню, как на одиннадцати метрах мы вшестером жили на Мясницкой. Кто под столом спит, кто на столе... В «Красной звезде» главным редактором был Василий Петрович Московский. Когда на Хорошевке пленные немцы построили дома для военнослужащих, он спросил отца: «У тебя там детей полно, тебе ведь жилье надо?». – «Да хорошо бы, хоть двухкомнатную...». – «Пиши на трехкомнатную». Мне был год с небольшим, когда мы переехали на Хорошевку.

– Какое место занимали в вашем детстве книги и вообще литература?

– Очень большое! Вокруг меня все читали книги в огромном количестве. До школы я уже сам свободно читал. После войны активно выпускали собрания сочинений. И я все читал: Флобера, Бальзака, Гюго...

– Наверное, что-то помнится до сих пор? Можете назвать самое сильное впечатление от искусства слова?

– Стихи, из букваря. Это были хорошие стихи. Впечатались навсегда. А дальше – «Евгений Онегин». Меня уже тогда это все потрясло. Не персонажи, а сам воздух этой вещи.

– Валентин Семенович Непомнящий говорит, что у читателя «Евгения Онегина» расширяются легкие.

– Я слышал «Онегина» в разных исполнениях, но только однажды встретил человека, который понимает, что он читает: Валентин Семенович.

обилию подвижников в нашей жизни. Обилие это, думается отцу Ярославу, происходит в нашем народе не столько от богоизбранности, сколько от «чрезмерной горемычности жизненного пути», от неизбывной трагичности бытия, происходящей от нашей собственной безалаберности и безрассудности, а более всего – от хронической неспособности российской власти позаботиться о людях, ее избравших.

Впервые я встретил отца Ярослава четверть века назад, когда приехал в командировку в Тарногский район Вологодской области, где батюшка был настоятелем Преображенской церкви села Верхне-Спасский Погост. О его писательстве, о том, что до принятия сана отец Ярослав окончил Литературный институт и заведовал отделом прозы в крупнейшем московском издательстве, я тогда ничего не знал.

Село Верхне-Спасский Погост отмечало тогда 600-летие. Опасаясь, что долгожданный культурный праздник может не ограничиться концертом самодеятельности, районные власти попросили единственного на весь район священника отслужить молебен на доброе дело.

На помост, пахнущий смолистой сосновой доской и предназначенный для песен и плясок, взшел батюшка. На журнальный столик поставил маленький тазик с водой и положил кропило.

– Достоевский был для вас открытием?

– «Кроткая», «Братья Карамазовы». А вот «Бесы» не произвели впечатления. Политизированная литература меня никогда не трогала.

– А Толстой?

– Конечно, «Война и мир», «Севастопольские рассказы» и особенно «Хаджи Мурат». Мне кажется, в конце жизни Толстой понял: что-то надо с языком делать. Уже появились Чехов, Бунин. И вот он пятнадцать лет писал и переписывал «Хаджи Мурата».

– Вы кому-то подражали?

– Нет, никому.

– О чем был ваш первый рассказ?

– Об аэродроме. Я всю жизнь авиацию люблю, у меня первые друзья – летчики, а поскольку летать мне недоступно, хотелось написать хотя бы об аэродроме.

– Где же вы видели в детстве самолеты?

– Так ведь я жил на Хорошевке, рядом Центральный аэродром, Ходынка. Это соседство и на братьев моих повлияло. Оба окончили Физтех, а тогда там была сугубо авиационная направленность. Роллан пошел в институт авиационного моторостроения и проработал там более пятидесяти лет, доктор наук, профессор, лауреат Госпремии. Он был первым и ведущим специалистом по снижению шумов авиационных двигателей. Алексей окончил еще биофак МГУ и стал биофизиком, работал в космической медицине, тоже доктор наук.

– Удивительно, что вы не пошли по их стопам...

– Как раз пошел. В 63-м, после девятого класса, сдавал экзамены в Новосибирскую

Народ разместился на скамеечках вокруг сцены. Взрослые и дети внимательно следили за приготовлениями: последнего священника в здешних краях видели в 1932 году.

— Ну что, братья и сестры, помолимся, — сказал отец Ярослав и приветливо оглядел собравшихся.

Народ напряженно молчал, не понимая, чего ждет от них батюшка. Все, кому достались места на скамейках, сидели. Все, кому места не хватило, с любопытством ждали начала священнодействия. Я и мой коллега из районной газеты взяли на изготовку фотоаппараты.

Убедившись — и, очевидно, не в первый раз, — что люди утратили и саму память о том, как их предки благоговейно вставали на молитву, батюшка вздохнул: «Господи, благослови...».

Завершив свое одинокое молитвенное предстояние, батюшка сошел с помоста. Ему на смену высыпали девушки-красавицы в ярких народных костюмах, с лентами в волосах. Грянула музыка, и сцена задрожала от веселой дробы каблучков. Автолавки развернули торговлю. Ярмарка народных ремесел зазывала к себе свистульками. Праздник затопил село.

Когда число подвыпивших граждан стало угрожающим, у всех, кто еще сохранял трезвость ума, возникло опасение, что

праздник может увенчаться мордобоем и увечьями. Начальство посмотрело на священника косо, с явным разочарованием.

Но тут вдруг на солнце нашли тучи и хлынул дождь. Минут сорок он охлаждал горячие головы. После этого, как ни в чем не бывало, выглянуло солнце и праздник завершился мирно и благополучно — протяжными песнями у реки.

У Ярослава Шипова есть рассказ «Райские хутора» — о том, как в заброшенной после перестройки деревне остались лишь двое стариков. Оторванные от цивилизации, забытые людьми, супруги жили на удивление спокойно и даже счастливо, в ладу друг с другом и с природой. Кабаны и волки, которых всегда хватало в этих местах, стариков не беспокоили. Лес кормил их белыми грибами и клюквой. Отчего проистекало их благоденствие, они по простоте своей не ведали. И автор не раскрывает нам тайны, и мы благодарны ему за это. Тайное не становится явным, если это тайное — от Бога.

«Когда я уходил из деревни, старики провожали меня до калитки и долго смотрели вслед — обернись, а они все стоят и прощально машут руками...»

В мае 2017 года священник Ярослав Шипов стал лауреатом Патриаршей литературной премии.

физматшколу. Прошел два тура и уже готовился к третьему. Собеседования там проходили необычно: придут академики и весело забрасывают нас задачками, для них это была гимнастика ума, отдых. «Ну вот, к примеру, мы с Петром Ивановичем летим на воздушном шаре... Так, Петр Иванович, ты летал на воздушном шаре? нет? Ну представь, что летим... И вот мы закурили... А-а, ты, Петр Иванович, не куришь? Ну ладно, я закурил... И что же, ребята, с этим дымом на воздушном шаре будет? Но только помните: скорость встречного ветра в расчет не принимать...». Я говорю: «Ну тогда вы в дыму останетесь...». — «Слышь, Петр Иванович, вот потому-то мы с тобой и не курим...». А летом, пока не было еще занятий, я в экспедицию института гидродинамики записался. Она работала на Обском море по заказу штаба военно-морского флота — изучала распространение звуковой волны под водой. Они потом Ленинскую премию получили за эти исследования. А я ловил рыбу для ученых. Но пока я был в экспедиции, вышло распоряжение — принимать в физматшколу только жителей Сибири и Дальнего Востока. И мне, как москвичу, пришлось вернуться домой.

— Это было крушение мечты?

— Никакого крушения. Я вернулся из Сибири другим — повзрослевшим. У меня в голове уже вертелись сюжеты для рассказов. В школе мне стало неинтересно учиться, я ведь учебник алгебры на два года вперед перерешал, литературу давно перечитал. И я пошел в вечернюю школу издательства «Правда» и одновременно — работать в типографию «Правды». Меня взяли рабочим в переплетный цех. Иван Матвеевич Касаткин был там начальником — человек улыбочивый, приветливый, пони-

мающий. Он меня поставил на электрокар — возить книги. А как раз тогда шли приложения к «Огоньку» — Куприн, Грин... Как-то Иван Матвеевич мне говорит: «Слушай, ты уже с закрытыми глазами ездешь, а вот у нас открывается цех высокохудожественных изданий, там будут делать журнал с пластинками, называется “Кругозор”, пойдешь?». Поставили три французские машины, но они отказывались скреплять журнал. Директор издательства, матерый дядька Фельдман, приходит в цех, а я один там вожусь с этими машинами. «У Никиты Сергеевича юбилей, надо бы семсот штук». Я три ночи вручную дожимал, склеивал, сделал во семсот штук. Потом я перешел в типографию «Красной звезды». Меня поставили на первую машину учеником печатника. Утром рано еду домой с работы: люди в метро, в автобусах — все читают газету, а ты еще к часу ночи уже все знал наизусть.

— Когда вы увидели первого настоящего писателя?

— Не знаю даже. Может быть, когда подал документы в Литинститут. Меня Сергей Павлович Залыгин взял в свой семинар. Когда представлял нас Сергею Васильевичу Викулову в журнале «Наш современник», сказал про меня: «Или будет очень хорошим писателем, или бросит».

— Вы говорили, что никому из писателей не подражали. А кого вы называли бы своим учителем?

— Юрия Казакова. Была, кажется, зима 1963 года. В приложении журнала «Сельская молодежь» я прочитал рассказ «Вон бежит собака», и всё — определилось. Я до этого столько всякой литературы прочитал, но ничего подобного не встречал. Это как, помните, Паустовского спрашивали: «Что

на вас повлияло?». — «Как что? “Роняет лес багряный свой убор...”». Вот и всё...». Юлиан Семенов пытался писать рассказы как Казаков — не получилось. Солженицын тоже пробовал себя в сельских рассказах. Пожалуй, лишь Георгий Семенов временами приближался к казаковскому уровню. Но за ними никого не пришло.

— Какие еще книги стоят на вашей заветной книжной полке?

— Пушкин. Гоголь. Лесков. Чехов. Антон Павлович очень дорог мне как человек. Он — с очень большим и чистым содержанием. Чехов мне только со временем так открылся, уже как священнику. И рассказ «Архиерей» по-новому зазвучал для меня.

— Первые годы вашего служения прошли в Тарногском районе Вологодской области. Из тех заповедных мест «родом» многие ваши рассказы. Почему вы уехали оттуда?

— Из-за местного сырого и холодного климата — не всякое лето босиком на землю ступишь, постоянно в резиновых сапогах — у меня развился ревматизм. Стали отказывать ноги, а потом и зрение. Пришлось вернуться в Москву.

— С тех пор как вы стали священником, ваш взгляд на писательское служение сильно изменился?

— Сильно. Роль художника в моем представлении очень сдулась. Но в одном я укрепился — художник обязан служить Господу. Можно ведь так увлечься своими фантазиями, что не заметишь, как начал служить не Господу, а кому-то совсем другому.

— Дай Бог, чтобы в этом зрение вам не изменяло никогда.

— Благодарю.

То, что подстрочно, чувствуется всегда

– Писатель, поэт как профессия, это меня, честно говоря, всегда смущало. Эти слова, по-моему, скорее отражают внутреннюю суть человека, а не вид деятельности.

– Но так сложилось, и давно. Не менять же... Да и какое у нас право?

– Вот вы, Николай Васильевич, кто по профессии? Или по образованию?

– Профессий у меня, я бы сказал, две. И два образования. В Ленинграде я окончил мореходное училище по специальности инженер-механик. А еще до училища, с четырнадцати лет, плавал на кораблях сначала юнгой, потом кочегаром. На трех флотах – Черноморском, Балтийском и Северном. Для меня это очень важные страницы.

– Еще бы: такой жизненный опыт...

– Дело не только в количестве лет. Довелось участвовать в значительных, можно сказать, исторических и драматичных событиях. Один подъем линкора «Новороссийск» в 1957 году в Севастополе чего стоит!

– Это действительно историческая драма. Под грифом «совершенно секретно».

– Да, об этом нам всем надо было молчать. Там погибло шестьсот с лишним человек. Мы получили корабль в счет репараций у итальянцев, а он был их национальной гордостью. И группа боевых подводных пловцов поклялась, что они уничтожат линкор: пусть никому не достанется. Корабль уже прошел модернизацию, вернулся с ходовых испытаний, встал на бочку, а в час двадцать с чем-то прогремел взрыв. Громадная пробоина, отсеки стали затопливаться один за другим, он лег на правый борт и затонул. Над ним оставалось всего два-три метра воды, то есть затонул почти на мелководье. И так он пролежал пятьдесят лет. Мы его подняли, отбуксировали к стенке, а там уже разрезали на металлолом.

– Это проза жизни. А когда началась поэзия?

– Еще в Севастополе я уже активно публиковался в разных изданиях. В Крыму состоялось совещание молодых писателей. Приехали из Москвы, из Киева ряд видных писателей. Светлов, Щипачев, Азаров... Когда я прочитал свои стихи, Светлов сказал мне, чтобы я написал заявление в Литературный институт, сослался на него. Конкурс был очень большой, 960 человек на 12 мест. Мы с моим

Николай Беседин

другом Джимом Паттерсоном, возможно, его помнят по фильму «Цирк» – маленький негритенок, которого качает на руках Орлова...

– Я с ним случайно познакомился, когда он уже был взрослым.

– Мы вместе поступили в Литературный. Я стал учиться заочно, но творческие семинары посещал исправно. А работал в курчатовском институте как инженер: начальником цеха, в лаборатории по исследованию котлов. И хотя уже получил диплом и профессию литератора, инженерного дела все равно не оставлял. Потом в Госплане СССР, тоже, разумеется, не поэтом и не прозаиком.

– Вы, можно сказать, писатель по совместительству.

– Можно и так. Чисто литературной работой я не занимался ни одного дня. В этом смысле я был свободным писателем, хотя были разные предложения. Но я как-то плохо себе представлял – писать не тогда, когда пишется, а когда надо. Уйдя на пенсию, уже после 91-го года, занимался какой-то околотворческой деятельностью – выбрали, но больше, чем на пять лет, меня не хватило. Все это воровство, разделы и перерасделы... я все бросил и ушел. Уже на чисто литературную работу, не занимая никаких должностей.

– С публикациями были сложности?

– Представьте, нет. В год выходило по книге, по две... В толстых журналах иногда по десять публикаций за год. Наконец, я узнал, где находятся «Наш со-

временник», «Москва», «Новый мир»... Накопилась гора журналов, штук 40–50, с моими публикациями. И в тонких – «Огонек», «Крестьянка»... Кстати, сразу в трех четвертых номерах – в «Нашем современнике», «Воине России» и «Подъеме» – вышли подборки стихов.

– Могли бы вы назвать важные для вас направления в вашем творчестве?

– Да, мне это не трудно. Россия, ее судьба, ее будущее. И как преодолеть настоящее, в котором России крайне неуютно. Исторические темы. Особое место – Новый Завет. Все это интересует и занимает меня давно.

– Вы сказали, что вас очень интересует Новый Завет. Но сначала вы, наверное, как многие из нас, тоже и родились, и жили вне веры.

– Да, конечно. Был такой эпизод. Когда с Валея Курбатовым и еще с одним моим другом, тоже по флоту и по мореходке, Сашей Бологовым, зашла речь о таинстве Крещения, это был 1992 год, я сказал, что не уверен в том, что меня крестили в детстве. Папа мой был политруком, пограничником, мама – учительница русского языка и литературы. Жили мы в пограничном гарнизоне. Трудно предположить, что там кто-то захотел бы окрестить меня. А если даже и так, то кто мог бы это сделать? Священник в пограничном городке – такое даже представить невозможно. Курбатов и говорит: «А кто тебе мешает креститься сейчас? Это не возбраняется».

– Совсем как с евнухом и апостолом Филиппом из Деяний апостолов.

– Совершенно верно. И я принял святое Крещение. Моими восприемниками оба они как раз и были.

– Хорошо, крещение – это акт. Существенный. Чрезвычайно важный, но все же акт, за которым должно что-то последовать, иначе к чему все? А до этого акта вы все же были человеком, которому вера не была чужда?

– Именно так и было еще до крещения. Это видно по моим стихам, написанным еще в минувшие 70-ые годы. В центре поэмы «Язычники» – святая киевская Ольга. Я изучал и ее, и время – а это X век – не только с исторической точки зрения, но и с религиозной, и именно тогда православная вера забросила первые зерна в мою душу. Православие обладает удивительной притягательностью. Оно привлекает не только своей обширностью миропонимания, мировос-

приятия, но и своей любовью к человеку. Это главное. А для литератора, будь то прозаик или поэт, нет ничего выше, чем любовь к человеку. Без любви к человеку настоящее произведение не получится. Только любовь и сострадание, то, что и Достоевский говорил, и чем Пушкин славен, – все это лежит в основе творчества русского писателя. Без этого невозможно создать ни одно стоящее произведение ни в прозе, ни в поэзии. И поэтому, когда я работал над «Язычниками», это было в 1971-м, первые две главы я послал Сергею Наровчатovu, который сам много работал с историческим материалом. И попросил его не перебегать мне дорогу. Он мне ответил потрясающей открыткой: это, мол, настоящая поэзия, и, хотя издатели отталкивают от себя произведения, обращенные к нашей истории, читатели все равно рано или поздно придут к вашему творчеству. Его слова сбылись. Вернувшись из командировки в Монголию, я пошел к Наровчатovu, и он сказал: давайте дадим эту поэму в «Новом мире». Он тогда был главным редактором.

– **Вы работаете над исторической темой. Главный источник информации, естественно, факт, правда, какой ее сохранило для нас время. А домысел, фантазия, интуиция? Насколько правомерно пользоваться ими?**

– Мне кажется, жестких норм здесь быть не может. В первую очередь это дело совести автора, степени ощущения им чувства меры. Лично я с уважением отношусь к интуиции. Ведь она рождается не на пустом месте.

– **Можно, наверное, сказать, что интуиция невозможна без знания. Это как бы надсознание над знанием.**

– Пожалуй. Я был в Киеве, и там известнейший ученый академик Петр Петрович Толочко водил меня по историческим местам, которые я описывал в «Язычниках». Насколько это соответствует реальности? Ну, например, могла ли Ольга, поджидая Игоря, увидеть его с того места, где стояла? Оказалось – могла. Вроде мелочь, но за ней – правда.

– **Интересное чувство возникает, когда оказываешься в местах, описываемых тобой, и сверяешь реальность с написанным.**

– Это удивительное, необыкновенное чувство! Ведь я писал, не видев ничего, а оказалось, что все совпало полностью! У меня есть строка: «Затихли грабы на подворье князем...» – это перед надвигающейся грозой. А грабов-то не оказалось, совсем другие деревья я увидел на том месте. Мой добрый спутник обещал

выяснить у специалистов, и на следующий день звонит мне в гостиницу: «Росли грабы!».

– **Хотя, казалось бы, какая разница: предположим, тогда росли бы там дубы, а вы написали – грабы?..**

– Как сказано в Евангелии? «...Неверный в малом неверен и во многом» (Лк. 16:10).

– **Это я вам специально задал вопрос. Притча о неверном домоправителе заставляет вспомнить и Послание апостола Иакова: «Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем» (2:10). То есть солгавшему в малом не может быть веры и в большом. Но вернемся в Киев, к вашим грабам.**

– С грабами все оказалось в порядке. Но была у меня проблема, которую я пока плохо представлял, как решить. Древний Киев, язычники, их взаимоотношения в свете приходящего православия, несовпадающие позиции Ольги и Святослава... все это я почерпнул из исторических материалов – а как связать тот, десятый, век и наш, двадцатый? Что может стать соединяющим звеном, чтобы мы поняли, что мы – до сих пор язычники? Что до сих пор не всё в себе изжили из того, что относится к языческому верованию? Не говоря уже о перешедших к нам традициях народных, таких, как, допустим, Иван Купала. Само мировоззрение – да! – изменилось, но тень язычества осталась. Как связать, чтобы русский человек, православный человек стал естественным? Ничего не получается! Не вижу связи! И вдруг – сон: длинный, длинный стол, на одном конце Ольга, на другом – я, и она мне рассказывает, как писать поэму.

– **Что же она говорила?**

– А говорила она, что поэма у меня не получится, если в ней не будет волхва. Там были еще кое-какие подробности, я о них говорить не буду. Но она сказала самое главное: действительно, как же можно в языческий век без волхва?! Я проснулся: волхв, волхв! Вот оно! Вот кто свяжет век нынешний и век минувший! Волхв знал, что было и что будет. И в ткань поэмы вошли сказания волхва, который, конечно же, оставался язычником, но предрекал православную Русь, и шесть сказаний волхвов связали древний Киев с современностью.

– **И все стало на свои места.**

– И все стало на свои места. Интересно, что люди в обиходе говорят о вещих снах. Этого не отрицают и старцы, и книги. Но какие они, что это за сны, кем посылаются, для чего?

– **Я все же хочу вернуться к моменту вашего личного соприкосновения с верой. Получается, что оно происходило через ваше творчество.**

– И через творчество. И через маму, Елену Трофимовну Осипову, и через близких родственников. Уйдя на пенсию, мама стала жить церковной жизнью. Ходить в храм, исповедоваться, последнее время она жила на Украине, в деревне недалеко от города Изюм, там была небольшая церквушечка...

– **Она тоже пришла к вере взрослым человеком?**

– Да, да. Сколько мы с ней говорили о душе, о ее бессмертности, а как она, а где она?.. Где она обитает в человеке, как проявляет себя? Обладая педагогическим образованием и хорошо зная литературу, мама много рассказывала о параллелях между, допустим, Пушкиным и верой, или о стихах Лермонтова, но именно с религиозным взглядом, или о Бунине, о Толстом с его непримиримостью. Это были именно беседы, а не споры, в которых якобы рождается истина. И еще был у меня великий наставник – это море. Как это – быть в море и не верить?.. Уж если моряк не был верующим, то суеверным не мог не быть. В четырнадцать лет, когда я юнгой пришел на флот, началось становление моего характера, а ушел с флота в двадцать четыре. Десять лет не могли пройти бесследно. Уже тогда во мне поселилось сознание того, что существует нечто неземное, inferнальное. А потом это чувство все развивалось.

– **Нравное, и поэтический дар не может существовать вне веры, в отрыве от веры.**

– Это бесспорно! Даже красота поэтического слова – это одно из воплощений божественности мира. Ведь не случайно в «Идиоте» Достоевского говорится, что мир спасет красота. И вот понемногу я пришел к пяти сюжетным замыслам, которые и воплотились в две поэмы и много различных стихотворений. Это и в сборнике «Молитвы русских поэтов», и теперь вот в «Лампаде». Вышел трехтомник: проза, стихи и поэмы. В предисловии к нему Бондаренко говорит, что православие как бы незримо присутствует в стихах Беседина. Он не говорит напрямую о вере, но у него это подстрочно чувствуется всегда.

– **А теперь давайте дадим читателю возможность на практике проверить справедливость утверждения критика. Итак, стихи Николая Беседина.**

Беседовал с Поэтом Павлом Демидов

Стихи разных лет

ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ

Народ кричал ему:
– Осанна!
Благословен Грядый! – кричали.
И ветви пальм из рощ Синая
К его босым ногам бросали.
Земля невестилась, как дева
Прекрасная в цветах венчальных,
А Он смотрел на иудеев
Глазами, полными печали.
Еще не знали эти люди,
За свет Любви какую плату,
Забыв, как шли за Ним повсюду,
Они испросят у Пилата.
Как искаженные от злобы,
Исторгнут страшные проклятья:
– Распни! Распни!
На месте лобном
Да будет Он, лжецарь, распятым!
...Ослица бережно ступала
По влажным от росы камням.
Толпа неистово кричала:
– Яви нам чудо исцеления!
А Он смотрел на лица, зная,
Что завтра крикнут эти люди.
Нет, не глаза – душа слепая
У тех, кто жаждать казни будет.
Что человек?
Он от Адама
Весь соткан из противоречий.
В его душе грехи как рана,
А он лишь плоть упрямо лечит.
К спасенью путь один отныне.
Но Божье Слово в мире этом –
Глас вопиющего в пустыне,
Во тьме грехов тропинка к свету.
И будет плач в преддверье ада,
И слово: жаждал Я напиться,
Но вы не дали. Свету правды
Вы предпочли на ложь молиться.
Я приходил к вам – странник Божий,
Но вы Мне дверь не открыли.
Мой дом молитвы, славу Божью
В вертеп разбойный превратили.
*Иерусалим! Иерусалим! Избивающий
пророков и камнями побивающий
посланных к тебе! Сколько раз хотел Я
собрать детей твоих, как птица
птенцов своих под крылья,
и вы не захотели.*
И с болью вырвалось из уст:
Се, оставляю дом ваш пуст.

* * *

Как просто все.
Идут снега,
И утонуло поле в сини.
И крутобокие стога

Плывут, как сытые гусыни.
Дома развесили дымы,
Как поднебесные качели.
И прячут лето от зимы
За пазухой густые ели.
Все переменится опять
И станет чистым изначально.
Снега идут.
И не понять,
Откуда столько в них печали.
1975

* * *

Мы говорили веку: Торопись!
И так ты задержался на поминках.
А впереди нас ожидает жизнь
В таких веселых и цветных картинках.
Взамен тебя, погрязшего во зле,
Мы выстроим сродни Эдему царство.
И будем жить как боги на земле,
Навеки примирив Христа и Маркса.
Прощай, двадцатый, судьбоносный век!
Парад планет не зря тебя венчает.
Летит устало твой последний снег
На лик земли. Ложится и не тает.
1997

Я ЭТОГО НЕ ЗНАЛ

Когда впервые я с твоих тревожных рук
Спустился на пол и пошел упрямо...
Что никогда дорог
здесь не замкнется круг,
Я этого не знал, моя родная мама.
И морю, и лесам я говорил «люблю»,
И женщине, что в запахах дурмана...
Что сердце о любовь до крови разобло,
Я этого не знал, моя родная мама.
Я думал, что один вершу свою судьбу.
Лишь стоит захотеть,
И поздно или рано...
Что я вернусь с пустой котомкой
на горбу,
Я этого не знал, моя родная мама.
За все берясь подряд, я многого хотел,
Как будто мне навек
открыты двери храма.
Что жизнь мала, как миг,
что есть ее предел,
Я этого не знал, моя родная мама.
1979

В ПАСХАЛЬНУЮ НОЧЬ

Геннадия Иванову

Нам жить довелось на изломе эпох,
Хранивших любовь, и надежду, и веру.
Мы Бога не знали, но с нами был Бог,
Незримо стоящий за красным барьером.
От главных дорог храм стоял в стороне,

Но Промыслом светлым душа
возвышалась.
Молились мы братству, добру и стране,
Превыше которой еще не рождалось.
В страде пятилеток и огненных лет
Была не прямой и нелегкой дорога.
Высокой ценой добиваясь побед,
Мы строили Божие царство без Бога.
Ах, нам бы покаяться перед крестом,
Изгнать фарисеев и племя Иуды
И выйти на путь, освященный Христом,
Навстречу в веках воссиявшему чуду:
В тот новый, неведомый Иерусалим,
Что встанет, лукавые царства разрушив,
Где правда и вера, какие храним
Мы в наших не проданных
дьяволу душах.

И ЯВИЛСЯ МЛАДЕНЕЦ

Я хлеба просил, а мне дали зерно:
– Взрасти, и получишь потом не одно,
И снова посеешь, и снова пожнешь...
Тогда-то и батюшку-хлеб испечешь.
Я веру искал и спасение в ней
От ярости мира, от ложных путей,
Мессию я жаждал всем сердцем раба,
Чтоб стала звездой Вифлеемской судьба.
Я Бога вымаливал у алтарей,
У светлых икон и у темных дверей...
Младенец явился мне с первой звездой,
Доверчивый, слабый, под тканью простой.
Не Он, а Его защищая от зла,
Пречистая Дева ко мне принесла.
Сказала мне тихо:
– Ты Бога просил.
Взрастить, уберечь Его хватит ли сил?
Укрой Его сердцем, в душе освяти,
И станет Он верой на скорбном пути.
На ярых ветрах, на вселенской гульбе
Его защити, и воздастся тебе.
Я руки к младенцу, скрестив, протянул.
Он мне улыбнулся в ответ и уснул.
Я стражей, слугою и пахарем стал,
Пока Он под кровом любви вырастал.
И вызрело Слово.
Зерно проросло,
И стало бессильным пред Истиной зло.

* * *

Когда наступит ясность декабря
И просветлеет небо над полями,
Россия вдруг увидит за холмами
Другую даль, по правде говоря.
Господ корпоративные пиры,
Хмельная удаля рыночной дороги
Пройдут, как хворь.
И горизонт убогий
Откроет смысл шутовской игры.

О, как я часа этого боюсь
И жду его, как путник перевала...
В который раз попробует сначала
В который раз доверчивая Русь.

* * *

Мне этот мир понятен до печенок,
Живущий в зле, раздетый догола,
Он пуст давно,
а был ли в нем ребенок,
Слеза его, что душу обожгла?
О, сколько душ пожертвовано злату,
Химере власти, колдовской любви!
Какая же чудовищная плата
за Божий храм, стоящий на крови!
Но было Слово в горней высоте,
Голгофа, Крест и Агнец на Кресте.
02.11.2013

* * *

Гаснет день над Угрой.
Все настойчивей запах сирени.
В небе ласточки чертят круги
высоко, высоко.
Выходи на крыльцо.
Посидим на остывшей ступени.
Пусть душа отдохнет
от всего, что от нас далеко.
Все равно не понять
эту жизнь, это время летящее,
Словно есть тот предел,
за которым закончится бег.
Все равно не понять,
что же было у нас настоящее
И зачем в этот мир сотворенный
пришел человек.
Сквозь раkitную зелень
виднеется солнце закатное,
Погружается в сонный туман
городок за рекой.
И дома, и над церковью купол
как будто бы ватные,
И во всем этом странный
и грустный, предвечный покой.
Может, выпало время
для тихого праздника лени
Или это усталость
от прожитых миром веков...
Выходи на крыльцо.
Посидим на остывшей ступени,
Пусть душа отдохнет
от всего, что от нас далеко.

ДВА ПОЭТА

Они не говорили друг о друге,
Хотя и пили за одним столом.
Как спутники в одном небесном круге,
И все-таки, наверно, не в одном.
И было мне томительно и жутко
Их различать в молитвенной тиши –
Поэзию холодного рассудка
С поэзией страдающей души.

* * *

Я хотел увидеть лотос,
белый, белый, в каплях света.
Я хотел увидеть лотос,
а увидел белый снег.
Я слышал грай вороний,
Тихий стон ночного ветра,
Я слышал грай вороний,
А хотел услышать смех.
Я карабкался на гору,
Чтоб подняться над ненастьем.
Я карабкался на гору,
А попал в густой туман.
Я хотел поверить в чудо,
В неожиданное счастье.
Я хотел поверить в чудо,
А поверил я в обман.
Я к тебе искал дорогу
Там, где смех, где лотос белый,
Я к тебе искал дорогу,
А попал в квадрат стены.
Я хотел тебя увидеть,
Чтобы сердце отболело.
Я хотел тебя увидеть,
А увидел только сны.

ОЖИДАНИЕ

Подмосковье. Ноябрь. Туман.
Ограничено полем пространство.
Поздней осени милый обман –
Из последних запасов убранство.
В этом зябком покое сплелось
Все, что так переменчиво, с вечным.
Небо, словно старушечья горсть,
Скупое цедит мгновения вечера.
Лишь эскизно намечено в поле,
Что-то есть, как намек о тебе,
Как живое предчувствие боли.
По тропе поднимаюсь на взгорок,
Там, где ветер шальных перемен
То отчаянно сладок, то горек.
Где от дали, упавшей к ногам,
Почему-то совсем не привольно.
И захочется снова в туман,
Где по-прежнему пусто и больно.

* * *

Светилось небо над усталым городом
Не звездами, не радугой, а радостью.
И вечер падал под ноги внезапностью
Немой грозы и твоего прихода.
Привычный сон привычных переулков,
И тупики, и площади сквозные
При свете молний, словно бы живые,
Вдруг отзывались трепетно и гулко.
Все, что надеждой было и смиреньем,
Приобретало признаки полета.
Разрушив плен дверного переплета,
Вошла ты неповинным озареньем.
И одномерность скучного пространства,
Что смене дня и ночи неподвластна,

И все, что умирает ежечасно,
Не принимая смысла постоянства,
Неверный свет в необозримом поле,
И полустанки, и холмы глухие –
Все вылилось в безудержность стихии
Слепого бунта разуму и воле.
И плоть, и дух слились в одном порыве,
И как протест, и как мольба покоя...
И звезды наклонялись над тобою,
Улыбкой ослепленные счастливой.
Прибой листвы и запах горицвета
Лишь оттеняли преданность забвенью.
И на губах всходило сновиденное
Реальностью июльского рассвета.
Но вот уже вставал за дымкой утра
Высокий город в каменной оправе.
Мы пили чай. Мы верили забаве
Мозаики огня и перламутра.
И ничего, что будет или было,
В тот миг на свете не существовало.
Иная жизнь брала свое начало,
Иное время нас тогда кружило.
Барокко, оживленное Растрелли;
Красивый плен российских

венценосцев,

И мрамор, будто тронутый морозцем,
То не жились, то плакали, то пели.
Шумел ли дождь на Пушкинских аллеях,
Струилась ли вода, борта целую,
Мы жили этим всем напропалую,
Ни мига ни о чем не сожалели.
И лишь потом, когда шальные мили
С тобой простились на ночном вокзале,
Я понял, что не случай мы искали,
Что мы с тобой друг друга находили.

УХОДИТ МУЖЧИНА

Уходит мужчина.
Уходит, чтоб не возвратиться.
Уходит от женщины
в старом немодном халате.
Он все оставляет.
От самой последней тряпицы
До русого мальчика,
спящего в тихой кровати.
Он щедр, как Бог.
Не нужны ему больше отныне
Ни стены, ни вымытый пол, ни
серванты,
Ни детский рисунок – недавний
подарок от сына,
Где в стойком строю
оловянные стынут солдаты.
Он сделал что мог.
Он всему отыскал объяснение.
Дверь тихо закрыв,
чтоб нечаянно не заскрипела,
Уходит мужчина,
с собой унося убеждение,
Что это не он,
это женщина так захотела.

Зинаида Миркина

* * *

Голубизна, голубизна...
Разлив небесной сини.
На ней темнеют письма —
Переплетенье линий.

На чистой синеве сплошной
Деревьев начертанья:
Раскрытое передо мной
Священное Писанье.

Как нам перевести в слова
Безмолвье это Божье?
Ты подлинник прочти сперва,
А то, что в книге, — позже.

* * *

Так просто все,

так неприметно:

Две птицы на склоненной ветке.
Одна береза и — простор.
И на меня глядит в упор
Тот, Кто словца не пророня,
Из смерти вызволит меня.
Да, ни словца и ни кивка, —
Лишь только эти облака,
Лишь только бело-сизый дым,
И я иду на встречу с Ним.

И сердце скачет, как щенок,
Почуяв след Господних ног.

* * *

Такая даль меж всеми нами!..
Такая даль, которую слова
перелететь не могут.
Как крыльями ни машут,
как ни рвутся, —
Все та же даль маячит впереди.

Кричать?
Зачем?
Куда?
К кому?

А может быть, когда-то
Вселенная вот так же
разбежалась на тысячи,
на мириады звезд,
И каждая повисла одиноко
не в силах дотянуться
до другой...

И превратилась Вечность
в безликое, безмерное
Пространство и Время,
не имущее конца...

Как будто кто-то вдруг выворотил
Вечность наизнанку
Во вне себя...

Кричать?
Но разве звезды кричат друг другу?
Нет. Они тихи.
И дело их —
Светиться сквозь молчанье
И тайное Единство возвещать...

Несущая свет

20 июля 2016 года исполнилось 90 лет со дня рождения доктора исторических наук, замечательного ученого, краеведа и патриота Нины Михайловны (Магометхановны) Пашаевой (1926–2013). Историческая библиотека издала книгу «Библиографический указатель» к жизни и творческому наследию Пашаевой. К прискорбию, крайне маленьким тиражом. Сомнений нет: скоро это издание станет библиографической редкостью. Составила книгу библиограф И.А. Гузеева.

Волею обстоятельств воспитанием дочери занимались мать и родственники по материнской линии — русские дворяне. Мать — София Сергеевна Кононович (1900–1996) преподавала итальянский язык в МГУ, всю жизнь занималась древнерусским памятником «Слово о полку Игореве». Бабушка — София Алексеевна Кононович (урожденная Дитерикс, 1884–1965). «Прожитые непрерывно рядом с ней первые 39 лет моей жизни — мое самое большое счастье», — признавалась на склоне дней Нина Михайловна.

В 18 лет девушка становится прихожанкой храма Илии Обыденного, который никогда не закрывался, — такие храмы называют благословенными. Это было время гонений на Православную Церковь. Посещать дом Божий было воистину подвигом. Можно было потерять работу и нажить массу других неприятностей. Но Нина посещала богослужения, принимала таинства. Господь покрыл ее от врага, и в 1945 году она поступила в МГУ, на исторический факультет.

...Я крестилась в 1975 году на квартире священника Дмитрия Дудко. Первым моим храмом стал именно Обыденский. В моей памяти Нина Михайловна сохранилась как усердная прихожанка, но лично мы познакомились позднее — в 1979 году, когда я пришла работать в «Историчку».

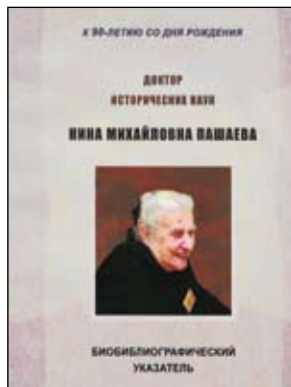
С 1950 года Историческая библиотека на шесть десятилетий становится для Нины Михайловны родным домом. Здесь она выросла от рядового до главного библиотекаря, защитила кандидатскую, а позднее и докторскую диссертации, получила звание заслуженного работника культуры. Уйдя на пенсию, она не порывала связей ни с родным домом, ни с родным делом.

По характеру Нина Михайловна была просветителем: сотни прочитанных лекций, сообщений, докладов, в том числе в обществе «Старая Москва», одним из самых активных членов которого она являлась. На ретроспективной выставке ее печатных трудов в Исторической библиотеке было представлено около ста книг и статей, охватывающих широчайшую тематику: «Галичина», «Славянские будители», «Роль книги в славянском национальном возрождении» и многие другие. Среди опубликованных москвоведческих работ необходимо выделить книгу «Москва в зеркале столетий: Очерки сохранившихся памятников. 1147–1917» (М; 1997), адресованную преподавателям и учащимся. Библиографический указатель «Славянская книга эпохи национального возрождения (конец XVIII в. — 1878 г.) в фондах ГПИБ России: каталог коллекции» (три выпуска) оказался последним из многих составленных ею и опубликованных библиотекой.

В феноменальной памяти Нины Михайловны хранились сотни стихотворений Алексея Константиновича Толстого, Александра Блока, Николая Гумилева и других поэтов. Любила читать их друзьям; издала небольшой сборник своих собственных под названием «Пою для себя». Многие о Нине Михайловне можно узнать именно из ее стихов — сокровенных, исповедальных. Здесь же она написала: «Оглядываясь назад, я считаю свою жизнь счастливой».

Вечная вам память, дорогая наша духовная наставница.

Анна Ильинская, член Союза писателей России

Крымский десант Владимира Высоцкого

В Москве на Страстном бульваре у Петровских ворот спиной к памятнику Александру Сергеевичу Пушкину, обозначающему начало этого бульвара, стоит необычная крестообразная бронзовая скульптура: стильно одетый молодой человек спортивного телосложения широко распахнул руки, как бы желая обнять этот грешный, но такой прекрасный, многообразный и радостный мир, чтобы отдать ему свою любовь, творчество и взрывную энергию. Он легок на подъем: за его спиной одна только гитара. Кажется, в любой момент он может оторваться от земли и устремиться туда, где встреч с ним ожидают сотни тысяч его поклонников. Сильные страсти испытывали человека с гитарой весь его недолгий жизненный путь. Эта скульптура – памятник Владимиру Семеновичу Высоцкому.

В 60–70-е годы прошлого века песни Высоцкого воскрешали души и будоражили совесть миллионов советских граждан. Они продолжают волновать и нас – обитателей новой России, в полной мере унаследовавших нравственные немощи прежних поколений. Его голос, рвущийся из самого сердца, звучал над всей огромной страной, которую он изъездил вдоль и поперек и которую хорошо знал и любил. Теперь в разных ее уголках появляются памятники и памятные знаки, посвященные Высоцкому, большинство из которых устанавливают не по указке сверху, они – зримое воплощение искренней людской благодарности любимому поэту и артисту за его песни, за роли, сыгранные им в кино и на театре. Есть такие мемориальные знаки и в Крыму, с ними связаны несколько страниц творческой биографии Владимира Семеновича.

В западной части полуострова на берегу Каламитского залива стоит замечательная Евпатория. Основавшие ее древние эллины умели выбирать красивые места для своих поселений. Эта уникальная способность самого творческого этноса в мировой истории на сто процентов сработала и в случае с Керкинитидой – именно так называлась Евпатория в далеком прошлом. В ее становлении и развитии участвовали разные народы. Особенно заметное влияние на формирование внешнего облика города оказали караимы – народность, образовавшаяся в Крыму на основе потомков киммерийцев и тавров. В память об

этом главная улица исторической части города названа Караимской. 25 декабря 2016 года на одном из домов появилась мемориальная доска: «На улицах старой Евпатории в 1972 году певец-поэт-актер Владимир Высоцкий снимался в кинофильме «Плохой хороший человек» режиссера И.Е. Хейфица». Всего несколько слов, но за ними скрывается драматичный, плодотворный и очень важный этап в жизни и творчестве Высоцкого. Попробуем перенестись в то время.

В 1972 году Высоцкий пишет строки, исполненные муки и боли:

*Я видел – наши игры с каждым днем
Все больше походили на бесчинства.
В проточных водах по ночам, тайком
Я отмылся от дневного свинства.*

*Я прозревал, глупея с каждым днем,
Я прозевал домашние интриги.
Не нравился мне век, и люди в нем
Не нравились. И я зарылся в книги.*

*Мой мозг, до знаний жадный, как паук,
Все постигал: недвижность
и движенье.
Но толка нет от мыслей и наук,
Когда повсюду им опроверженье.*

Это фрагмент из стихотворения «Мой Гамлет». В это время в Театре на Таганке Высоцкий играет Гамлета в знаменитой пьесе Шекспира. Премьера состоялась 29 ноября 1971 года. В тот вечер взволнованная толпа заполнила пространство между станцией «Таганская кольцевая» и театральным зданием. Шансов попасть внутрь – никаких, но люди все равно хотели быть поближе к тому месту, где происходило незабываемое сценическое действо. Еще до начала спектакля Высоцкий в черном свитере сидел в глубине сцены с гитарой, негромко наигрывая свои песни, – такой был придуман эффектный режиссерский ход. Почти каждый входящий в зал испытывал оторопь: это Высоцкий или нет?

Работа над «Гамлетом» продолжалась больше года. Главный режиссер Юрий Петрович Любимов выжимал из актеров все соки. Его трактовка образа Гамлета была весьма оригинальной, можно сказать – новаторской: Любимов видел в принце датском Поэта. Высоцкому это оказалось близко, и он приступил к работе. И вот, наконец, в назначенный час забитый битком зрительный зал услышал

В одной из своих песен Высоцкий сказал: «Не поставят мне памятник где-нибудь в сквере у Петровских ворот». И ошибся: этот памятник как раз стоит на этом месте

знаменитые пастернаковские стихи в неподражаемом исполнении Высоцкого:

*Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.*

*На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси...*

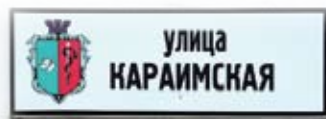
Роль Гамлета была большой творческой и профессиональной победой Высоцкого. Кто-то сказал, что каждый спектакль отбирал у него два килограмма веса. Но – плоть убывает, а душа растет. И требует новых больших дел. Как раз в это время кинорежиссер Иосиф Хейфиц приступил к экранизации повести Антона Павловича Чехова «Дуэль». Кстати, в нынешнем году исполняется 45 лет этой интересной художественной ленте. На главную роль – молодого чиновника министерства финансов Ивана Андреевича Лаевского – был приглашен неповторимый Олег Даль. Высоцкому досталась роль немца фон Корена, о котором в пове-

сти говорится, что он был «молодой зоолог... приехавший летом к Черному морю, чтобы изучать эмбриологию медуз». Как всегда, у Хейфица занят блестящий ансамбль артистов: Анатолий Папанов, Людмила Максакова, Любовь Малиновская, Георгий Корольчук, Юрий Медведев.

Действие происходит в маленьком приморском городке на Кавказе. Роль этого городка режиссер доверил крымской Евпатории. И она со своей миссией тоже справилась блестяще – наблюдаемые во многих кадрах фильма узкие и немного кривоватые улочки старой Евпатории с маленькими домиками создают достоверную картину небольшого провинциального городка, типичного для южных окраин Российской империи конца XIX века. Здесь-то и разворачивается острый идейный конфликт между главными героями повести, кипят их страсти, происходит их падение в бездны нравственного порока и духовное возрождение к новой жизни.

Зная характер и темперамент Высоцкого, его роль можно определить как весьма парадоксальную. Немец фон Корен – это трезвейший зануда и человек невыносимо правильный. Он исповедует взгляды агрессивного социал-дарвинизма, которые приводят его к античеловеческим выводам и к острому противостоянию с Иваном Лаевским – человеком мягким, интеллигентным, но бездеятельным и безвольным. Суждения фон Корена о Лаевском пропитаны убийственной логикой и напоминают речь прокурора:

«– О людях судят по их поступкам... Что он сделал за эти два года, пока живет здесь? Будем считать по пальцам. Во-первых, он научил жителей городка играть в винт; два года тому назад эта игра была здесь неизвестна, теперь же в винт играют от утра до поздней ночи все, даже женщины и подростки; во-вторых, он научил обывателей пить пиво, которое тоже здесь не было известно; ему же обыватели обязаны сведениями по части разных сортов водок, так что с завязанными глазами они могут теперь отличить водку Кошелева от Смирнова номер двадцать один...».

Евпатория. Улица Караимская, 48. Особняк, построенный еще в XVIII веке. Здесь останавливался Высоцкий во время съемок фильма

Далее от фон Корена мы слышим: «...Вредоносность его заключается прежде всего в том, что он имеет успех у женщин и таким образом угрожает иметь потомство, то есть подарить миру дюжину Лаевских, таких же хилых и извращенных, как он сам...».

Вывод фон Корена звучит как приговор чрезвычайной тройки НКВД: «...В интересах человечества и в своих собственных интересах такие люди должны быть уничтожены. Непременно». Свое намерение уничтожить Лаевского фон Корен готов собственноручно воплотить в реальность – он провоцирует его на вызов на дуэль и со всей серьезностью идет на поединок, чтобы застрелить своего оппонента. Только своевременное вмешательство дьякона Победова спасает фон Корена от совершения страшного греха убийства – священнослужитель помог предотвратить духовную катастрофу зоолога...

Очевидно, фон Корен болен тяжелейшим духовно-нравственным недугом – маниакальной страстью к переустройству мира, созданного Богом. Он истово верит в возможность насильственного улучшения рода человеческого. С присущей немцам рациональностью и хозяйственной деловитостью ученый-естествоиспытатель присваивает себе право решать, кого оставить в живых, а

кого уничтожить. Налицо – дерзкий вызов Творцу. Взгляды чеховского фон Корена страшно далеки от мировоззрения самого Высоцкого. В своих многочисленных стихах-песнях Владимир Семенович умудрялся влезть в шкуру самых разных человеческих типажей. Он одинаково успешно перевоплощался и в уголовника, и в рабочего, и в военного, и в спортсмена, и в партийного функционера, и в ученого. Спектр персонажей Высоцкого-поэта был необычайно широк и богат: от отважных героев до циничных подонков, от влюбленных в свое дело подвижников до опустошенных небокопителей, от мудрецов и пророков до тупиц и догматиков. Но по отношению к своим персонажам у Высоцкого никогда не было ненависти – с каждым из них он достигал взаимопонимания, к каждому проявлял сочувствие и гуманизм. В образ человеконенавистника-зоолога фон Корена Высоцкий привнес изрядную долю личного обаяния, показав, что тот – не безнадежно законченный мерзавец. Человечение фон Корена происходит в финальной сцене примирения с Лаевским, когда зоолог пожимает ему руку перед своим отъездом из городка.

После выхода на экран фильма «Плохой хороший человек» Иосиф Хейфиц вспоминал: «...в роли фон Корена его (Высоцкого. – В. Р.) мучила одна мысль.

Он – человек очень добрый, и я чувствую, что его что-то такое все время гложет, какая-то мысль. Он говорит: “Ну что же я такой мерзавец?! Вот, я все время, значит, готов слабых людей уничтожить, вроде, так сказать, какой-то фашист. Ну неужели во мне нет ничего хорошего?”. Это идея чрезвычайно близка любому чеховскому характеру. И мы с Володей долго сидели и думали: по роли фон Корену негде проявить себя человеком добрым. Тогда перешли мы к его занятиям. “Ну что ж, – говорит, – я медуз, там, ловлю, исследую медуз! Ну, что такое медуза? Кому интересно, значит, кто пожалеет медузу?”. Тогда мне пришла в голову идея вот такая: что он любит собак. Володя за эту идею ухватился – ведь это очень хорошо! “Я знаю, что люди, которые любят собак, сами очень добрые!” Я говорю: “Давайте такую штуку: у вас нет собаки, но вас любят все собаки этого маленького городка. И поэтому в какой-нибудь момент давайте снимем такой кусок: вы возвращаетесь домой, подходите к своей калиточке, и вдруг из всех подворотен, из ворот, откуда только ни возьмись бегут всякие псы! С такими хвостами всякими, дворняги, и ластятся к вам, потому что вы их, видимо, каждый день подкармливаете”. Он был дико счастлив. И мы

такой кусок сняли. Примерно двадцать собак было найдено, их всех, значит, приручили, потом спрятали в подворотнях. Когда фон Корен возвращался домой, мы их выпустили: они с диким восторгом к нему бросились. Он сказал: “Теперь мне хотя бы легче! Это дает зрителю понять, что все-таки в душе у меня есть что-то хорошее и человеческое, проявляющееся в любви к животным!”».

В период работы над ролью фон Корена Высоцкий ведет образ жизни, напоминающий будни военных десантников. Параллельно он снимается в фильме «Четвертый» по пьесе Константина Симонова. Для этого он периодически летает в Прибалтику – в Ригу и Юрмалу. Не забывает и сцену – гастролит с труппой родного театра. Приезжая в Евпаторию на съемки фильма «Плохой хороший человек», Владимир Высоцкий останавливался в доме № 48 по Караимской улице. Это – особняк караима С. Бота, построенный еще в XVIII веке. И хотя после многочисленных переделок здание во многом утратило первоначальный облик, оно все же сохранило некоторые черты караимского жилища. Странно, что мемориальную доску, посвященную участию Владимира Семеновича в съемках фильма, прикрепили не к стене дома

№ 48, а к дому № 45, стоящему напротив и выходящему на перекресток: нынешние жильцы дома якобы запретили устанавливать на их стене памятный знак в честь знаменитого артиста и поэта. В чем-то их можно понять – любой из нас имеет законное право на спокойную жизнь. Над созданием бронзовой таблички безвозмездно работали московский архитектор Алексей Комов и крымский скульптор Константин Цихиев. Доска установлена за счет общественной организации «Балтеровский комитет».

И, конечно, Высоцкий не был бы Высоцким, если бы в Евпатории он не написал хорошую песню. 5 января 1942 года, чтобы отвлечь врага от осажденного Севастополя, с Керченского полуострова в Евпаторию был высажен тактический морской десант. В городе произошли ожесточенные бои, вспыхнуло восстание местных жителей против оккупантов. Из семисот моряков осталось в живых меньше сотни, но цель была успешно достигнута. Некоторые сцены фильма «Плохой хороший человек» снимались за городом, в том числе недалеко от памятника Евпаторийскому десанту. Под впечатлением от подвига советских десантников Высоцкий и написал песню «Черные бушлаты».

Памятник Евпаторийскому десанту

*За нашей спиной остались паденья, закаты,
Ну хоть бы ничтожный, ну хоть бы невидимый взлет!
Мне хочется верить, что черные наши бушлаты
Дадут нам возможность сегодня увидеть восход.*

*Сегодня на людях сказали: «Умрите героически!».
Попробуем – ладно! Увидим, какой оборот.
Я только подумал, чужие куря папироски:
«Тут кто как сумеет – мне важно увидеть восход».*

*Особая рота – особый почет для сапера.
Не прыгайте с финкой на спину мою из ветвей.
Напрасно стараться, – я и с перерезанным горлом
Сегодня увижу восход до развязки своей.*

*Прошли по тылам мы, держась, чтоб не резать их сонных,
И вдруг я заметил, когда прокусили проход:
Еще несмышленый, зеленый, но чуткий подсолнух
Уже повернулся вершушкой своей на восход.*

*За нашей спиной в шесть тридцать остались, я знаю,
Не только паденья, закаты, но взлет и восход.
Два провода голых, зубами скрипя, зачищаю, –
Восхода не видел, но понял: вот-вот – и взойдет.*

*...Уходит обратно на нас поредевшая рота.
Что было – не важно, а важен лишь взорванный форт.
Мне хочется верить, что грубая наша работа
Вам дарит возможность безошибочно видеть восход.*

Помнит Евпатория Высоцкого, помнит...

Краски жизни

Иван Ильич Глазунов – российский художник-живописец, профессор, заведующий кафедрой исторической живописи Российской академии живописи, ваяния и зодчества И.С. Глазунова, академик Российской академии художеств, заслуженный художник Российской Федерации. Его работы можно увидеть в крупных государственных и частных собраниях в России и за рубежом.

Какие краски преобладают в палитре современного искусства живописи? – это, пожалуй, главная тема беседы Юлии Камагиной с художником.

– В хорошей живописи всегда есть и темные, и светлые краски, но если мы говорим аллегорически о нашем времени и живописи нашего времени, наверное, радужные тона не будут соответствовать суровой действительности.

– Отчего же? Насколько я знаю, вы – человек православной веры, поэтому вам должно быть ближе апостольское «Всегда радуйтесь».

– Я часто думаю над словами апостола Павла «Всегда радуйтесь». В смысле не поддаваться греху уныния. А сейчас говорю о реальном положении дел в искусстве.

– А распространяется ли это, как вы говорите, реальное положение дел на искусство или литературу, которые принято называть православными, христианскими? И вообще, может ли быть православная живопись, православная поэзия?

– Скажите, можно ли назвать, например, фильм «Летят журавли» православным? Создавался он в безбожном государстве, в расцвет борьбы с Церковью. Если говорить о внешней атрибутике, – конечно, нет – в фильме не показывают ни храмы, ни священников, ни богослужения, не звучат церковные песнопения. Но если говорить о внутреннем

содержании картины, о ее сути, – фильм этот глубоко христианский. Потому что он рассматривает жизнь человеческой души. Он – о Царствии, которое не от мира сего. О том, как в нашей жизни все переплетено и разорвано одновременно. Для меня Бунин, даже Набоков, которого записывают в порнографические писатели, – это авторы, несущие свет. Не обязательно писать рассказ о батюшке, сусалить его и мармеладить, чтобы он стал «по-настоящему православным». В результате он как образ может получиться совершенно деревянным и не вызывать у читателя никаких светлых чувств. А можно, наоборот, написать рассказ об обычной, на первый взгляд, жизненной ситуации, где слово «Бог» даже ни разу не прозвучит напрямую, но, прочитав такой рассказ, человек может обратить свою душу к высокому. К сожалению, в наше время появился такой, с позволения сказать, жанр: если хотят сказать о православии, то изображают Николая II, свечи, иконы, церкви, какой-нибудь луч с неба, драматично высвечивающий что-то, на что хочет обратить внимание художник. Так происходит дискредитация искусства, живописи и, наверное, даже веры.

– В Третьяковской галерее экспонируются картины Александра Иванова «Явление Христа народу» и Николая Ге «Что есть Истина?». На сегодняшнего посетителя они воздействуют только как гениальные произведения искусства или затрагивают более глубокие, духовные пласты?

Семейный портрет. Холст, масло. 2003

– Не думаю, что здесь важна эпоха, в какую живет человек. Это вопрос его личной духовной, культурной, эстетической подготовки. Я часто вижу, как в Третьяковке школьники реагируют на живопись. Комментарии дикие. Уши вянут. Не знаю, способно ли сохраниться искусство в кольце нашей современной медийной эпохи. Но если призвать в союзники трезвый разум, увидим, что все не так безнадежно.

Нужно заниматься серьезным, глубоким, разносторонним образованием и просвещением людей. Того же Николая Ге нельзя воспринимать просто как картинку в раме. То же относится и к творчеству Александра Иванова. Нужно знать и контекст эпохи, и особенности личности каждого из художников. И Ге, и Иванов были вдумчивыми богоискателями. Но Ге жил полтора века назад, а время Иванова – это время Пушкина и Гоголя. То, что создано ими, – результат личного духовного поиска художника, но чтобы понять его искания, необходимо почувствовать движения его души. Иначе созерцание живописи превращается в наблюдение лишь за внешними факторами.

– Это о зрителе. А что художник? Он абсолютно свободен в своем творчестве? Но есть все же и канон. Вам это должно быть особенно близко, потому что вы занимаетесь кроме станковой живописи и церковными росписями. В каких храмах в Москве можно увидеть ваши работы?

– Я расписывал храм Вознесения Господня «Малого», и когда протоиерей Артемий Владимиров увидел эти росписи, то тут же в свойственной ему манере произнес: «Хочется спросить, каким образом удалось сохранить старинные фрески?». И я тут просто расплылся от счастья. Мне хотелось, чтобы не было ощущения никакого нового слова, будто эти росписи здесь уже триста лет. Вообще с Москвой меня многое связывает в профессиональном плане. Скоро будет проект на Воробьевых горах – там нужно возродить старинную живопись. Это храм Святой Троицы на смотровой площадке. Там совершенно другая живопись – русский классицизм. Храм сам по себе исторический, никогда не закрывался, он хранит историю страны, в том числе и войны 1812 года. Еще я работал на Урале в монастыре «Ганина Яма», под Екатеринбургом. Там есть храмы, которые были расписаны мною, не в одиночку, конечно,

Страшный суд. Роспись храма Вознесения Господня «Малого». 2010

я работал, как раньше писали, со товарищи. Недавно началась работа в храме Серафима Саровского в Раеве в Москве. На Истре мы расписывали совсем небольшой храм. Была задача сделать стиль «русский модерн а-ля Васнецов». Для художников это очень интересная работа – когда можно создать импровизацию на тему. Чем ближе к традиционному языку, тем лично мне это больше нравится.

– Действительно, в реализме все прозрачно, понятно. Где же начинается авторский поиск? В классицизме, модерне, импрессионизме?

– Импрессионизм – он все-таки еще от добрых сил. Когда я был лет на пятнадцать-двадцать моложе, для меня не было нюансов: болезнь – это болезнь, здоровье – это здоровье, смерть – смерть, жизнь – жизнь, это плохо, а это хорошо. Сейчас же... Чем дольше живешь, тем больше понимаешь: может быть, ты в своей категоричности был неправ. Мотивы поступков человека далеко не всегда видны сразу. Может, он святой на самом деле, а ошибаешься ты.

– Я всё думаю о вашей первой фразе: не ждите светлых и радужных тонов. Можно об этом подробнее?

– Я убежден: искусство заканчивается где-то в начале XX века, потом начинается страшный процесс гибели русской и европейской школы. Это сродни революционному движению к построению нового мира. Для меня имена лидеров авангарда, того же Малевича, звучат страшно. Я прочитал его письма – от них словно серой несет! Ну, или тяжелой болезнью... Художник, вместо того чтобы гасить уничтожающий огонь революции, подливает в него масло... За иконопись вообще могли расстрелять. Студентов в те времена учили фальшивому самовыражению, а не классическим знаниям. Полностью рухнула школа живописи, а вместе с ней школа скульптуры и архитектуры. И это все длится до сих пор. Традиционная школа и сейчас в загоне. Закрыть консерваторию можно, через пять лет никто о ней даже и не вспомнит, а чтобы все вернуть на прежний уровень, потребуется лет сто. Так же и с живописью. Несколько

Середина лета. Холст, масло. 2008

Весна в окрестностях Устюга. Холст, масло. 2004

лет назад я ночью гулял по Вене. Какая там уличная скульптура в стиле неоклассицизма! На первый взгляд, это какие-то гении, но нет – как правило, это обычные немецкие скульпторы, имена которых мы редко слышали, иногда просто ремесленники! Не те, которые ставили главные монумены, а те, кто просто украшали дома кариатидами и атлантами. А знаменитый фонтан, где Аполлон с нимфами?! Каменные лица, но на них заметны малейшие движения глаз и губ. Для меня это – чудо!

– **Какой предмет преподает в академии профессор Глазунов, имея такой багаж наблюдений?**

– Композицию.

– **Простите мое невежество: это обучение законам построения произведения?**

– Можно считать и так. Но это не схоластическая наука. Она очень конкретна. Я должен войти в сюжет, в замысел автора. Хорошо, если это историческая зарисовка, к тому же с известным содержанием. А если кто-то просто стоит у окна, куда-то смотрит? Нужно понять, что хотел сказать студент, и посоветовать, как улучшить работу. В композиции нужно много объяснять. Но очень важно не растворить в себе своего ученика, не лишит его индивидуальности, не подменить его собой. Покажешь человеку место, с которого написать пейзаж, и у тебя полная уверенность, что ты написал его сам. А это – чужая работа. И ты при этом, ее не сделавши, получаешь чувство удовлетворения и вроде бы как успокаиваешься. Но это иллюзия преподавателя.

Надо успевать творчески работать самому, реализовывать свои замыслы, и тогда ты сможешь чем-то большим поделиться со студентами.

– **Ваша мастерская, где мы сейчас беседуем, мне больше напоминает не рабочее место художника, а экспозицию самых разнообразных вещей – старинные иконы, русские женские костюмы, сундуки из прошлого... Вас не обижает такое сравнение?**

– Ничуть! У каждой вещи – своя судьба, своя история. Вот этот большой образ Спасителя – я купил его у кого-то в Измайловском парке. Он сказал, что икона лежала у него в гараже. Мне кажется, она с Волги, из какого-то взорванного храма. А лет двадцать назад там же, в Измайлове, можно было купить

Первый снег на Двине. Холст, масло. 2005

потемневшую икону, век которой после реставрации иногда становился удивительным сюрпризом. Храмам в то время сложно было справляться с реставрацией. Сейчас вся эта купля-продажа прекратилась... Я много путешествовал по Северу, что-то даже снимал, писал этюды, привозил оттуда старинные вещи, прялки. Там и собрал коллекцию женских костюмов. Теперь они участвуют в моих выставках.

– Приходя к художнику, как-то настраиваешься только на картины...

– Смотря к какому художнику... Просто развесить картины на гвоздик можно, и это будет хорошая выставка, если ты – Леонардо да Винчи. Люди будут ходить в полумраке и восторгаться живописью. Мне же важнее создать атмосферу. На моей выставке стоят манекены, наряженные в женские костюмы. Моя жена делает короткие тематические фильмы – тоже часть нашей экспозиции. Они крутятся нон-стоп.

– А сами выставки тоже в режиме нон-стоп?

– Нет, выставки проходят не часто. Последняя была в музее-усадьбе «Коломенское». Там экспонировались работы о русском Севере, а также костюмы и сундуки, которые мы с женой коллекционируем. Первый сундук у меня из деревни Куликово Верхне-Уфтужского района. Это такие дебри! А один сундук я привез из Лондона. Он, скорее всего, прибыл в Англию, еще когда связь с ней была через Архангельск. Сундук, видимо, был увезен туда еще в XVIII веке. Я не видел, чтобы в России так сохранялись вещи, которым 250 лет. Окурки о них никто не тушил, орехи не колот. Здесь дело не в вещизме, это – реликвии. Почему в конце XX века все куда-то ушло? Даже иконы на щепу рубили не приезжие мерзавцы, а сами северные жители!

– Из-под вашего пера вышла книга «Символ и образ в русском декоративно-прикладном искусстве XVII века». Откуда интерес к символизму?

– Приведу один пример. Как-то меня заинтересовал лев-единорог – старый герб Красноярска. Где-то прочитал, что мы сляпали его у Англии, и возмутился. И оказалось – не зря. Единорог был еще на печати Ивана Грозного, был образом Москвы – третьего Рима – нового Израиля. В Священном Писании, и особенно в Псалтири, много аллегорий с животными. Царь читал ветхозаветные

Надевшая черный платок. Холст, масло. 2007

тексты и заимствовал оттуда образ этого зверя, который стал символом идеи московского царства. Потом Петр I отменил единорога как государственный знак, хотя в народном искусстве он еще оставался. Вообще у Московского царства была грандиозная идея нести в мир православие. Но по дороге с нами что-то случилось. Тем не менее единорог еще бежит вперед...

– Вы действительно патриот. У вас прекрасные русские пейзажи. Пишете с натуры?

– У меня есть любимый путь: Москва – Вологда – Великий Устюг – Архангельск. Там я вижу неиспорченную природу. Меня вдохновляют реки, мощная Двина с высокими берегами. К сожалению, средняя полоса стала уже больше легендой. Прекрасна Ярославская область. Там много воздуха, много леса, уже начинается свобода какой-то дали, не испорченная торчащими вышками.

– Значит, Останкинскую башню написать не хочется?

– В советское время было такое направление – урбанистический пейзаж: заводы, фабрики, поезда. Мне все это не близко. Я не могу сделать натюрморт с кроссовками, магнитофоном, пароваркой. Это – документ новой эпохи. Там искусство отжато. А пейзаж – это лик Родины. Нужно искать мотив, необходимый твоей душе.

– А можно ли написать портрет своей души?

– Максимилиан Волошин считал, что если показать человеческую душу, то стоящие рядом ослепнут от блеска. Душа, духовное, душевное неизобразимо. Но в каждой работе должна быть частица души.

– И напоследок. Невозможно не обратить внимание на эти необычные эскизы. Что это?

– Это – эскизы тканей для одной моей будущей идеи. Надеюсь, что в скором времени появится моя коллекция возрождающихся и одновременно модернизированных национальных орнаментов. Остальное – пока секрет...

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно
на нашем сайте **lampada-press.ru**

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Напоминаем тем, кто предпочитает гарантированно получать «Лампаду» домой, а не покупать ее в церковной лавке: подписаться на журнал можно с любого месяца, но только через редакцию.

Схема прежняя: деньги на телефон
8 (963) 962-5575 и НЕПРЕМЕННО СМС
с фамилией и подробным адресом подписчика.

Подписка проводится на добровольные пожертвования, то есть цена не фиксированная.

ПРИЧИНА: журнал приносит убытки (около 100 рублей на каждом экземпляре). Поднимать цену не хотим. Заплатите, сколько сможете. Благодарим.

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
св. мц. Татианы при МГУ

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
Воскресения Христова в Сокольниках

Всех Святых Алексеевского женского монастыря; на подворье Патриарха Московского и всея Руси при храме прп. Алексия, человека Божия

Иверской иконы Божией Матери на Всполье
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами

Новоспаский ставропигиальный мужской монастырь

прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
Троицы Живоначальной в Хорошеве

Троицы Живоначальной в Хохлах

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском

Вражке

царевича Димитрия при Голицынской больнице

Троицы Живоначальной в Останкине

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной

апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
свт. Климента, папы Римского

Успения Божией Матери в Казачьей слободе

Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья

Новомучеников и исповедников Российских в Строгине

Всех святых во Всехсвятском

Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее подворье

Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)

Преображения Господня в Тушине

Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине

Прп. Сергия Радонежского в Бусинове

Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье

прп. Алексия, человека Божия в Крылатском

Богоявленский кафедральный собор в Елохове

Казанской иконы Божией Матери в Коломенском

Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь

Донской ставропигиальный мужской монастырь

Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве

св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»

Воскресения Христова в Кадашах

свт. Иннокентия, митр.

Московского в Бескудникове

прп. Сергия Радонежского

в Крапивниках

ISSN 2225-0271

9 772225 027100